

В. Г. Белинский

**<Россия до Петра
Великого>**

Виссарион Григорьевич Белинский

<Россия до Петра Великого>

22 января 1841 г., дописывая письмо к В. П. Боткину, начатое еще 30 декабря, Белинский сообщал, что в ближайшее время приступит к работе о Петре Великом, которая особенно волнует его: она «лежит у меня на сердце, давит его и просится вон... <...> Что же касается направления всей статьи, оно ясно:

*Россия тьмой была покрыта мно-
го лет;
Бог рек: «Да будет Петр!» и бысть
в России свет, —*

как говорит известное двустишие, которое и будет выводом всей статьи. В России до Петра были тьма кро-
мешная, люди – почти четвероногие; после Петра сде-
лалось светло и люди становятся людьми, – вот и
все...»

Содержание

#1	0005
Статья I	0006
Статья II	0083
Примечания	0171

В. Г. Белинский
<Россия до Петра Великого>

**ДЕЯНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО, МУДРОГО ПРЕ-
ДОБРАЗИТЕЛЯ РОССИИ**, собранные из досто-
верных источников и расположенные по го-
дам. Сочинение И. И. Голикова. Издание вто-
рое. Москва. 1837–1840. Томы I–XIII.

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО. Сочинение Ве-
ниамина Бергмана. Перевел с немецкого Егор
Аладьин. Второе, сжатое (компактное) изда-
ние, исправленное и умноженное. Санкт-Пе-
тербург. 1840. Три тома.

**О РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСИЯ МИ-
ХАЙЛОВИЧА**. Современное сочинение Григорья
Кошихина. Санкт-Петербург. 1840.

Статья I

Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских; и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!

Карамзин. Письма русского путешественника, т. III., стр. 167{1}

Мы, русские, беспрестанно упрекаем самих себя в холодности ко всему родному, в равнодушии ко всему отечественному, русскому{2}. Справедливо ли это? – И справедливо и нет! Справедливо, потому что это факт; несправедливо, потому что в уразумении этого факта принимают следствие явления за самое явление. Что такое любовь к своему без любви к общему? Что такое любовь к родному и отечественному без любви к общечеловеческому? Разве русские сами по себе, а человечество само по себе? Сохрани бог!.. Только какие-нибудь китайцы особны и самостоятельны в отношении к человечеству; но пото-

му-то они и представляют собою карикатуру, пародию на человечество, и человечество отворачивается от братства с ними. Но и китайцы еще не пример в этом вопросе, потому что было время, когда и китайцы были связаны с человечеством, выразив собою первый момент его сознания в форме гражданского общества; {3} этому и обязаны они своим дивным государственным устройством, в котором все определено и ничего не оставлено без сознания и которое теперь потому только смешно, что, лишенное движения, представляет собою как бы окаменевшее прошедшее или египетскую мумию довременного общества. Нет, здесь в пример идут разве какие-нибудь якуты, буряты, камчадалы, калмыки, черкесы, негры, которые действительно ничего общего с человечеством не имели, которых человечество не признает живою, кровною частию самого себя и для которых, может быть, есть только будущее... Итак, разве Петр Великий – только потому велик, что он был *русский*, а не потому, что он был также *человек* и что он более, нежели кто-нибудь, имел право сказать о самом себе: *я человек – и ничто человеческое*

не чуждо мне?{4} Разве мы можем сказать о себе, что любим Петра и гордимся им, если мы не любим Александра Македонского, Юлия Цезаря, Наполеона, Густава Адольфа, Фридриха Великого и других представителей человечества? Что он к нам ближе всех других, что мы связаны с ним более родственными, более, так сказать, кровными узами – об этом нет и спора, это истина святая и несомненная; но все-таки мы любим и боготворим в Петре не то, что должно или может принадлежать только собственно русскому, но то общее, что может и должно принадлежать всякому человеку, не по праву народному, а по праву природы человеческой. *Гений*, в смысле превосходных способностей и сил духа, может явиться везде, даже у диких племен, живущих вне человечества; но *великий человек* может явиться только или у народа, уже принадлежащего к семейству человечества, в историческом значении этого слова, или у такого народа, который миродержавными судьбами предназначено ему, как, например, Петру, ввести в родственную связь с человечеством. И потому-то есть разница меж-

ду великими людьми человечества и гениями племен и, так сказать, *заштатных* народов; есть великая разница между Александром Македонским, Юлием Цезарем, Карлом Великим, Петром Великим, Наполеоном – и между Аттилою, Чингисом, Тамерланом: первые должны называться *великими людьми*, вторые – *les grands kalmuks*...[1]

Да! Мы холодны к своему, равнодушны к родному, но не потому, чтоб холодность и равнодушие лежали в нашей натуре, не потому, чтоб они были каким-нибудь нашим недугом, а потому, что мы еще холодны и равнодушны к общему, к мировому, которое заслонено от нас личным. Слово «интерес» мы еще принимаем в смысле «выгоды», а не живого и страстного сочувствия ко всему человеческому, в высшем и благороднейшем значении этого слова. Мы еще только начинаем соглашаться, что не худо иногда, перед вистом, в ожидании, пока подойдет *четвертый*, долженствующий дополнить партию, – поговорить и об искусстве, и об истории, и о Наполеоне, и о Шекспире, словом – о «Байроне и о матерьях важных»...{5} Петр Великий есть ве-

личайшее явление не нашей только истории, но и истории всего человечества; он боже-ство, воззвавшее нас к жизни, вдунувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России: и что же? чем показали мы свое равнодушие к такому великому для нас явлению? Ничем, потому что громкие фразы, великолепные риторические восклицания еще меньше, чем ничто. Любовь проявляется в деле; следовательно, вопрос в том, что мы *сделали* для того, чтоб понять Петра Великого как великое историческое явление. Собрали ли мы материалы для его истории? – Нет! Сверили ли, сличили ли между собою, поверили ли историческою критикою хотя известные нам факты? – Нет! Есть ли у нас хоть какие-нибудь, сколько-нибудь заслуживающие внимание попытки изобразить в стройной исторической картине жизнь и деяния Великого? – Доселе еще – нет!{6} Правда, был у нас один, который мог бы алмазным пером своим, как на меди или мраморе, нетленными чертами передать вечности дела и образ Великого; но преждевременная смерть вырвала волшеб-

ное перо из творческих рук и надолго лишила Россию надежды иметь учено-художественную историю творца ее будущего величия и счастья...{7} Из прежних попыток сделать что-нибудь для истории Петра Великого достоин величайшего уважения только бескорыстный и простодушный труд Голикова. Прекрасное, отрадное явление в русской жизни этот Голиков! Полуграмотный курский купец, выучившийся на железные гроши читать и писать, чувствует сильную потребность во что бы то ни стало узнать историю Петра Великого. Недостаток в средствах лишает его возможности собирать материалы; однако он делает для этого всевозможные жертвования, урывками от коммерческих занятий и житейских забот, читает он все, что попадается ему под руку о Петре, делает выписки, и таким образом полагает начало своему труду, огромности которого и сам не предчувствует. Вдруг подпадает он уголовному суду, лишается свободы и чести; но через два с половиною года освобождается из заключения вследствие милостивого манифеста, по случаю открытия в Петербурге монумента

Петру Великому{8}. Из тюрьмы спешит он в церковь, оттуда на Петровскую площадь и, в священном исступлении, упав на колени пред статуею великого, громко и всенародно клянется достойно отблагодарить его за благодеяние. С тех пор каждая минута жизни его посвящена на совершение высокого подвига. *Тридцать томов* остались памятником его благородного рвения, и в безыскусственном, беспорядочном его рассказе нередко заметно одушевление, достойное предмета, его возбуждавшего; в основе лежит бессознательное, но тем не менее верное созерцание идеи, выраженной явлением Петра Великого. Явись Голиков у англичан, французов, немцев – не было бы конца толкам о нем, не было бы счета его биографиям; гипсовые изображения его продавались бы вместе с статуями Наполеона, Вольтера, Руссо, Франклина; портреты выставлялись бы в окнах эстампных магазинов, виднелись бы на площадях и перекрестках.

Итак, труд Голикова есть почти все, что сделано нашею литературою для истории Петра Великого. Карамзин еще далеко не до-

шел до нее{9}, Пушкин смертью застигнут в
приготовительных работах к ней. Записные
наши исторические критики заняты вопро-
сом «откуда пошла русь»{10} – от Балтийского
или от Черного моря. Им как будто и нужды
нет, что решение этого вопроса не делает ни
яснее, ни занимательнее баснословного пери-
ода нашей истории{11}. Норманны ли забал-
тийские или татары запонтийские – все рав-
но: ибо если первые не внесли в русскую
жизнь европейского элемента, плодотворного
зерна всемирно-исторического развития, не
оставили по себе никаких следов ни в языке,
ни в обычаях, ни в общественном устройстве,
то стоит ли хлопотать о том, что норманны, а
не калмыки пришли княжители над словены;
если же это были татары, то разве нам легче
будет, если мы узнаем, что они пришли к нам
из-за Урала, а не из-за Дона, и вступили в сло-
венскую землю правою, а не левою ногою?..
{12} Ломать голову над подобными вопроса-
ми, лишеными всякой существенной важно-
сти, которая дается факту только мыслию, –
все равно, что пускаться в археологические
изыскания и писать целые томы о том, какого

цвета были доспехи Святослава и на которой щеке была родинка у Игоря. А между тем этот первый и бесплодный период русской истории поглощает, или по крайней мере поглощал, всю деятельность большей части наших ученых исследователей, которые и знать не хотят того, что имена Рюриков, Олегов, Игорей и подобных им героев наводят скуку и грусть на мыслящую часть публики и что русская история начинается с возвышения Москвы и централизации около нее удельных княжеств, То есть с Иоанна Калиты и Симеона Гордого. Все, что было до них, должно составить коротенький рассказ на нескольких страничках, вроде введения, рассказ с выражениями вроде следующих: «летописи говорят, но думать должно; вероятно; может быть; могло быть» и т. д. Подобное введение должно быть коротко, ибо что интересного в подробном повествовании о колыбельном существовании хотя бы и великого человека? И малые и великие люди в колыбели равно малы: спят, кричат, едят, пьют. Даже и собственно история московского царства есть только введение, разумеется, Несравненно важнее

первого, – введение в историю государства русского, которое началось с Петра. В этом введении встречаются интересные лица, сильные и могучие характеры, даже драматические положения целого народа; но все это имеет чисто человеческий, а не исторический интерес; все это так же интересно в русской истории, как и в истории всякого другого народа во всех пяти частях свет» – История есть фактическое жизненное развитие общей (абсолютной) идеи в форме политических обществ{13}. Сущность истории составляет только одно разумно необходимое, которое связано с прошедшим, и в настоящем заключает свое будущее. Содержание истории есть общее: судьбы человечества. Как история народа не есть история миллионов отдельных лиц, его составляющих, но только история некоторого числа лиц, в которых выразились дух и судьбы народа, – точно так же и человечество не есть собрание народов всего земного шара, но только нескольких народов, выражающих собою идею человечества. Мы уже намекнули, что и самый Китай имел всемирно-историческое значение, выразив робую

первый момент общечеловечности; но хотя китайцы и теперь существуют, да еще в числе, как говорят, чуть ли не ста миллионов голов, однако они столько же принадлежат к человечеству, сколько и миллионы рогатых голов их многочисленных стад. Индийцы, египтяне, и особенно племена семитические, греки и римляне, – каждый из этих народов был звеном в цепи развития человечества, – был, но теперь уже не *есть*, ибо индийцы и египтяне теперь нечто вроде окаменелостей, а греки и римляне исчезли совсем с лица земли, уступив родную почву другим племенам. Мухаммеданский восток раскинулся пышным, хотя и мгновенным цветом; но и этому он обязан был той односторонней истине, которую выразил я многосторонней лжи своей. Аравитяне имели влияние на самую Европу и тем придали мухаммеданству характер исторической необходимости и спасли его от забвения. Но когда односторонняя истина его содержания сшиблась с общею, мировую истину христианского европеизма, – он уступил, потом пал, и теперь одряхлевший и безжизненный труп Турции держится только милостию

европейских держав. Умерший Рим завещал богатое наследство своей жизни разрушившим его варварам: он дал им христианство, цивилизацию и законы. С тех пор человечество явилось в лице тевтонского племени, широким потоком разлившегося по Европе; все же остальное представляло собою явления случайные, которые возникали бог знает откуда и как и исчезали бог знает где и как, подобно ветру в степях Аравии... Аттилы и Тамерланы основывали огромные монархии и грозили всему миру и Европе; но мир и Европа остались, а грозные воители исчезли вма-ле; вместе с ними исчезли и их эфемерные монархии, возникшие и развившиеся не изнутри, подобно явлениям растительного и животного царств Природы, а снаружи, чрез налипание, подобно минералам, не органически, а химически и механически. Случайно было их явление, случайно было и их падение: могущество отдельной от человечества личности воззвало их к бытию, а смерть этой личности возвратила их в прежнее ничтоже-ство. Между тем Европа росла, крепла и раз-вивалась, выдержала ужасные напоры слу-

чайных сил и в существенных стихиях собственной жизни нашла разрешение противоречий этой жизни, а в борьбе разумной необходимости с случайностью открыла неисчерпаемый источник, богатое содержание неизживаемой жизни, – и только простодушное невежество или жалкое суеверие и фанатизм могут видеть последние дни и смертное томление Европы в успехах ее цивилизации, в торжестве человеческого разума{14}. В каком смутном брожении, в какой свирепой борьбе элементов и сил является история Европы средних веков! Но в этом хаосе немолчно раздается всемогущий глагол жизни, творческое «да будет!»;{15} дух божий носится во мраке над ярящимися волнами беспредельных вод... и вот почему, при всей пестроте, при всей яркости цветов, при всем разнообразии и смешении борющихся между собою элементов, история Европы представляет стройную и величественную картину разумных и великих событий; взор мыслителя усматривает в форме этой многосложной картины единство диалектически развивающейся мысли.

Чтоб лучше показать, какая разница меж-

ду интересным характером народа, не жившего жизнью человечества, и интересным характером всемирно-исторического народа, сравним Иоанна Грозного и Лудовика XI{16}. Оба они – характеры сильные и могучие, оба ужасны своими делами: но Иоанн Грозный – важное лицо только для частной истории России: он довершил уничтожение уделов, окончательно решил местный вопрос, многозначительный только для России, – между тем как тирания Лудовика XI имела великое значение для Франции и, следовательно, для Европы: Лудовик нанес ужасный удар феодализму, сколько можно было сосредоточил государство, поднял среднее сословие, установил почты, хитрую и коварною своею политикою отстоял Францию от Карла Смелого и других опасных врагов, и пр. В характере и действиях Лудовика XI выразился дух эпохи, конец средних веков и начало новейшей истории Европы. Иоанн интересен как человек в известном положении, даже как частно-историческое лицо; Лудовик XI – как лицо *всемирно-историческое*. Иоанн пал жертвою условий жизни народа, на котором вымещал свою

погибель; Лудовик, чувствуя на себе влияние времени, был в то же время не только рабом его, но и господином, ибо давал ему направление и управлял его ходом.

История России от времен Калиты и особенно от Иоанна III до Петра Великого, без всякого сомнения, несравненно, интереснее, чем в период уделов и первой половины татарского ига; но чем интереснее становится она, тем менее обращает на себя внимание и трудолюбие ученых деятелей. По крайней мере в последнее время издано много исторических памятников, относящихся к этому периоду, чему обязаны мы более просвещенному содействию правительства, нежели ревности частных лиц. Что же до самой интереснейшей эпохи нашей истории – царствования Петра Великого, ее как будто и не существует в глазах наших ученых, поглощенных общими местами о происхождении Руси. А между тем каждый, если случится ему написать имя Петра, почитает за долг выйти из себя, накричать множество громких фраз, зная, что бумага все терпит. Иные из писавших о Петре, впрочем люди благонамеренные, впадают в

странные противоречия, как будто влекомые по двум разным, противоположным направлениям: благоговей перед его именем и делами, они на одной странице весьма основательно говорят, что на что ни взглянем мы на себя и кругом себя – везде и во всем видим Петра; а на следующей странице утверждают, что европеизм – вздор, гибель для души и тела, что железные дороги ведут прямо в ад, что Европа чахнет, умирает и что мы должны бежать от Европы чуть-чуть не в степи киргизские...{17}

Мы очень рады, что появление второго издания Голикова, истории Бергмана и сочинения Кошихина дает нам случай и возможность сказать несколько слов о величайшем явлении русской истории и об одном из величайших явлений всемирной истории – о Петре Великом. Просим наших читателей не быть слишком взыскательными, не выпускать из вида великости предмета и незначительности средств к его уразумению, не забывать также, что в журнальной статье нельзя высказать всего так, как бы хотелось. Мы почетом себя вполне достигшими цели, если ста-

тъя наша займет не одни глаза читателя, но и душу и разум его, и наведет его на мысли и думы, которых еще не возбуждали в нем исторические возгласы о Петре Великом.

Собрание фактов, касающихся до истории Петра Великого, критическое рассмотрение и проверка материалов ее – вот что прежде всего ожидает деятелей. Прагматическое изложение этих фактов – второе великое дело, пока еще тщетно ожидающее для себя труда и таланта. Но ни то, ни другое не может обойтись без определения настоящей точки зрения на Петра Великого, как на исторического действителя. Пусть всякий делает свое: мы постараемся изложить свою мысль, или, если угодно, свое мнение о деле Петра, подкрепляя его, где будет нужно, живым свидетельством исторических фактов.

В чем заключается дело Петра Великого? В преобразовании России, в сближении ее с Европою. Но разве Россия и без того находилась не в Европе, а в Азии? – В географическом отношении, она всегда была державою европейскою; но одного географического положения мало для европеизма страны.

Что же такое Европа и что такое Азия? – Вот вопрос, из решения которого только можно определить значение, важность и великость дела Петра.

Азия – страна так называемой естественной непосредственности, Европа – страна сознания; Азия – страна созерцания, Европа – воли и рассудка. Вот главное и существенное различие Востока и Запада, причина и исходный пункт истории того и другого. Азия была колыбелью человеческого рода и до сих пор осталась его колыбелью: дитя выросло, но все еще лежит в колыбели, окрепло – но все еще ходит на помочах. В жизни, действиях и самом сознании азиатца видна только первобытная естественность – и больше ничего. Азиатца нельзя назвать животным, ибо он одарен смыслом и словом; но он животное в том смысле, в каком можно назвать животным младенца. Младенец есть возможность человека в будущем, но в настоящем – что такое жизнь его? – растительность и животность. Воплем и слезами изъясляет он страдание и горечь; криком и смехом – радость и удовольствие. Источник его радостей и стра-

даний – его организм: здоров он и сыт – он доволен; может лакомиться – он счастлив; болен и голоден – он страдает; есть у него пища, но нет лакомств – он спокоен, но уныл, страсти его молчат, живость ощущений притупляется; увидит лакомства – он испускает вопли радости, глаза его сверкают огнем и странную живостию. Таков и азиатец. Основа его общности есть обычай, освященный древностию, давностию и привычкою. «Так жили отцы наши и деды» – вот основное правило и высшее разумное оправдание азиатца в его быте и образе жизни. Прекрасное правило, все оправдывающая причина! Это альфа и омега всякой мудрости, это последний ответ на все вопросы разума! И, к тому же, оно так легко для уразумения, так коротко! Спросите черкеса, зачем он свято соблюдает права гостеприимства в своей сакле и грабит, режет своего гостя на дороге, подстреливает его из-под куста, как дикую птицу, или хватает на аркан, заковывает в железо и заставляет всю жизнь пасти стада, – он ответит вам: «Так делали отцы и деды наши». Хорошо ли это, дурно ли, разумно или бессмысленно

но, – подобные вопросы не приходят ему в голову; это слишком тяжелая, слишком неудобоваримая пища для его головы. Так же точно нисколько не думает азиатец о своей человеческой личности – о значении ее и правах. Сегодня богат он, завтра нищ; сегодня он неограниченный повелитель миллионов, завтра раб презренный и безгласный; сегодня движение руки его, мание бровей его изрекают войну и мир, жизнь и смерть, – завтра подносят ему шелковый снурок, который он сам надевает себе на шею. Почему все это так, а не иначе, и должно ли все это быть так, а не иначе, – он об этом никогда не спрашивал ни себя, ни других. Так было задолго до него, так бывает не с одним им, а со всеми; следовательно, такова воля аллаха! И потому он так же хладнокровно распоряжается счастьем или несчастьем, жизнью и смертью ближних, как хладнокровно сам подчиняется веляниям судьбы, Вследствие этого ценность человеческой крови для него нисколько не выше ценности крови домашних животных. Отсюда неограниченный деспотизм и безусловное рабство. Отсюда же совершенный произ-

вол, с одной стороны, и совершенное отсутствие чувства законной приверженности и непоколебимой верности, с другой. Турок не ропщет, если дурное расположение духа властелина сажает его на кол или вешает на петле; но турок же не задумается ни на минуту пристать к смелому мятежнику против законного властителя, к сыну против родного отца. Вот непрочность одних естественных связей, не созданных *посредством* рассудка! Семейственность есть общая форма азиатского быта; самое государство на Востоке – семейство в огромном размере. Но посмотрите, как ничтожны там узы родства! У детей нет матери, потому что мать их не *человек*, не *женщина*, а *самка* и *матка*; но у детей нет и отца, ибо и отец их только *самец*, владеющий известным числом самок, и притом господин и повелитель и своих самок, и своих *детенышей*, неограниченный властелин, при котором они, как рабы, должны безмолвно стоять, потупив глаза в землю, приложив руку к груди. И потому кровавые сцены в семействе на Востоке – обыкновенные события и далеко не возбуждают такого мистического ужаса, как в

безнравственной и безбожной (по мнению китайских мандаринов пятой степени) Европе. В некоторых мусульманских землях повелитель, восходя на трон отца своего, умерщвляет всех своих братьев, а в некоторых только велит им выкалывать глаза. Разумеется, подобное право не простирается на частных людей; но что освящено употреблением и обычаем, то не может казаться Особенным преступлением, не может внушать особенного ужаса. Вот что значат естественные права крови, не освященные любовью и духом, не признанные разумением! Кажется, никто так не близок к природе, как животные, и, следовательно, ни у кого узы крови не должны быть так крепки и нерушимы, как у животных; но у них-то и нет совсем никаких уз родственных: тигр пожирает детей своих даже без крайней необходимости, тигрица пожирает детей в голоде, и вообще самка какого бы то ни было животного только до тех пор мать своим детям, пока кормит их грудью, а ее порождения только до тех пор ее дети, пока со-сут ее; после же этого термина взаимные отношения детей к матери и матери к детям

как-то странно изменяются...

Почти все это можно видеть и между людьми на Востоке: торговля детьми (особенно дочерьми) – один из главнейших промыслов у некоторых азиатских племен. Где нет любви, там нет и взаимной доверенности, а узы родства там только увеличивают взаимную недоверчивость, ибо личные интересы родных чаще всего сталкиваются враждебно. Сила личного самохранения не может ослабевать или усыпляться от родства, если любовь не освобождает от подозрения и страха. В Европе власть родительская основана на праведной любви сознательной и разумной, вышедшей из любви естественной; и потому в Европе право родства утрачивает всю силу свою, как скоро перестает опираться на право любви. Об исключениях говорить нечего; но можно почитать общим правилом, что отец не имеет права жаловаться на дурных детей, потому что только у дурных родителей могут быть дурные дети. А так как отношения столь близких между собою людей, как родные, не могут быть предметом верного и непогрешительного суда посторонних, то эти отношения

и приведены в общие и законные формы. Закон смотрит только на внешнее, на форму, на приличие, не позволяя себе проникать во внутреннее, которое передает в высшую инстанцию – в судилище совести. И потому гражданский закон в Европе требует от детей только внешнего уважения к родителям, но не любви, для которой нет гражданских законов. С другой стороны, права родителей над детьми ограничены общественным мнением; в известные лета дети становятся полными господами своей участи и своих поступков. И потому в Европе можно видеть примеры, как дети судятся с своими родителями или родители с детьми; но только в Азии можно видеть примеры детоубийства и отцеубийства; в Европе те и другие – чудовищные и редкие исключения.

Сознание азиатца спит, ибо заключено в магическом кругу младенческой естественности, непосредственности. Мысль его преимущественно проявляется в религиозной сфере; но и тут далее естественного пантеизма она не восходила. Исключение остается за одними евреями, которым высшая воля поручила

хранение сокровища, цены которого они сами не умели ценить. Поэтому и христианство могло развиваться только в Европе. Но в исламизме Азия увидела полное выражение своего духа. «Ни о чем не думай, ибо за тебя думает святая книга; наслаждайся чувственными удовольствиями и властью, если предопределение даст тебе их; погибай без ропота, ибо так написано на деках предопределения; губи без смущения, ибо так написано на деках предопределения твоей жертвы» – вот основание исламизма{18}. Коран предписывает любовь к ближнему, гостеприимство; высшим блаженством называет он созерцание бесконечных совершенств аллаха; но эта любовь к ближнему уничтожается понятием о предопределении и простирается только на правоверных, а не на поганых джяуров, которых истинный мусульманин должен фанатически ненавидеть; но это созерцание божеских совершенств переходит в дремоту души, утомленной чувственностью, и в бессмысленную формалистику, которая предписывает известное число повторений «нет бога, кроме бога» и пр., намазы{19} и т. п.

Основание всех религий, возникших в Азии (кроме одной – единой, безусловной и божественной), есть физический пантеизм (всебожие), или обожествление субстанциальных сил природы. Как скоро этот пантеизм истощает все свое содержание и от природы должен возвыситься до духа, – он тотчас же и уничтожается, впадая в отвлеченные случайности и мертвый формализм. Он движется, но в ограниченной сфере самого себя, или, лучше сказать, кружится на одном месте, а не движется от исходного пункта своего вдаль по прямой линии. По крайней мере в индийском пантеизме были видоизменения, была борьба сект, были свои секты, тогда как исламу явился чем-то определенным, без всякой возможности даже кружения, не только развития, – в стоячей и мертвенной неподвижности. Отвергнув, по-видимому, всякий формализм служения, всякое чувственное представление божества, и чрез то, по-видимому, став исповеданием в духе, – он в существе своем тот же индийский пантеизм, то же робкое обожествление природы, а не духа, только более ограниченное и уже совершен-

но непосредственное и бессознательное. Это самые крепкие оковы для ума человеческого; это самый мягкий и роскошный диван для его лени и усыпления. Исламизм нисколько не допускает в себя элемента свободного и разумного мышления; от этого дикий фанатизм и ожесточенное невежество есть его опора, сила и характер. Поэтому же самому неподвижность есть условие исламизма; он сгниет и разрушится действием собственного гниения, но не изменится, не обновится, не примет в себя новых элементов. Он предлагает свои догматы и законы как повеления, а не как истины на основании каких бы то ни было доказательств. После сего, удивительно ли, что христианство не могло укорениться на Востоке: оно убеждает, а не порабощает, оно отвергло материю и поставило над нею духа святого, который есть любовь и разум...

Та же неподвижность и в общественном быте азиатцев. Условия его немногосложны и просты, как условия стад и табунов: соединенные родственным инстинктом, животные спокойно пасутся, не мешая друг другу; а когда в них разыграются страсти, то решают

действительность прав своих превосходством силы, крепостию рог и копыт. Право возмездия – древнейшее из всех прав, потому что оно самое «естественное право». Христианство отвергло его с особенною энергиею; но это потому, что христианство было освобождением человечества от оков грубой естественности. Для азиатца право личности – не в законе, а в кинжале; его обидели, кровь закипела – и кинжал в груди оскорбителя; убийца не всегда даже и хлопчет о спасении: если на деках предопределения не написано умереть ему от казни, его не казнят, а написано – ничем не спастись. Судилищ и судейской процедуры азиатец не терпит: суд совершается в доме судьи, решение зависит не от силы и разума закона, а от мудрости судьи. Тут же и благодетельная фалака{20}, а если нужно, и виселица – дело только в петле, виселицею же может служить первое попавшееся на глаза окно мирного гражданина. Азиатец лучше хочет быть невинно бит по пятам палками, повешен, посажен на кол, только чтоб сию же минуту, без проволочки, – чем подвергаться судебному следствию, которое лишило бы его

возможности сидеть поджав ноги, делать кейф или творить намаз. Турок от искреннего сердца дивится глупости неверных франков, проклятых джяуров, которые, попавшись под суд, хотят, чтоб их судили, и не требуют того, чтоб их поскорее отколотили по пятам или посадили на кол.

Однообразна частная жизнь азиатцев. Это – или дикие оргии грубой чувственности, или молчаливая беседа гостей, прерываемая изредка вежливым вопросом: «Каково состояние вашего мозга?» и не менее деликатным ответом: «Оно сладко, как сахар». Наскучив наконец сидеть поджав под себя ноги и курить заветный кальян, или прокурившись до последней крайности, – мусульманин, бывало, снимал с стены свою дамасскую саблю и с диким бешенством вторгался в пределы франков, грабил Сербию, Венгрию, Польшу, полуденную Россию; а насытившись боевою тревогою и разжившись военным грабежом, снова садился под тень спокойствия, на ковер наслаждения и погружался в созерцание божества, повторяя: «Нет бога, кроме бога, и Мухаммед пророк его», – и разве только для

невинного рассеяния рубил головы рабам своим и бросал в море мешки с своими женами. Прекрасная жизнь! Она вся в чувстве – мятежный разум не смеет и издалека подойти к ней, чтоб смутить ее животное блаженство!..

Неподвижность и окаменелость слиты с Азией, как душа с телом. Какова она была за несколько тысячелетий до рождения Христа, такова и теперь, и так пребудет всегда, если Европа не подломит оснований ее непосредственного состояния и не преобразует ее христианством. В Азии нет ни науки, ни искусства, а есть, вместо их, предание и обычай. Нигде не льется столько крови, как в Азии, нигде люди не режутся так много, как в Азии, – и все-таки там нет военного искусства! Победу дает случай, слепой случай, а не ум, не искусство и не всегда даже превосходство в силе. В самом деле, если не случайность, то тут часто участвует вдохновение, власть минуты. В Европе храбрость храбростию, одушевление одушевлением – а математический, прозаический расчет своим чередом. Европейец умеет помирить вдохнове-

ние с рассудком, азиатец весь в распоряжении минутного расположения духа, которое и в массах, как и в человеке, часто зависит от одной случайности. Правда, Китай служит как бы исключением из этого правила; но это только кажется так: иначе отчего же бы все его изобретения стали на полдороге, все учреждения окаменели при возникновении своем, и он сам – трехмесячный ребенок с седыми волосами, с желтою, морщиноватою, как печеное яблоко, кожею, с сгорбленным станом?.. Скажут, что сами китайцы всеми мерами поддерживают самое безусловное status quo[2] в своем государстве, поняв, что оно только этим и может существовать. Глубок же источник жизни в том государстве, которое при отступлении от условий старинного своего быта, приемля новые открытия и обычаи, должно разрушиться, как набальзамированный и хорошо сбереженный труп в свинцовом гробе разрушается от прикосновения к нему воздуха!..

И вот Азия! Знаем, что мы тут ничего нового о ней не сказали; но не та была и цель наша: нам нужно было только напомнить чита-

телю уже известное всем об Азии, чтобы он, при чтении этой статьи, не выпустил из вида, что такое для человека, народа и человечества пребывание в так называемой естественной непосредственности сознания.

Еще менее можем сказать мы нового о Европе касательно ее противоположности с Азией; но и это не цель наша: нам опять нужно только привести для соображения читателю две-три самые резкие черты; собственная его пронизательность дополнит остальное.

Еще во времена язычества, в древнем мире, характер Европы был противоположен характеру Азии. Противоположность эта состояла в нравственной подвижности и изменчивости Европы, которых причина заключалась в вечном усилии европейских народов силою сознания посредствовать с собою все отношения свои к миру и жизни. Воспользовавшись чувством и вдохновением, как моментом развития, как необходимым элементом жизни, европеец издревле дал полную волю своей мыслящей способности, судительной и анализирующей силе своего ума, привел в движение свой рассудок, разрывающий полноту

всякой непосредственности. Созерцание помирил он действием и в созерцании своей деятельности нашел свое высочайшее блаженство, – и деятельность его состояла в том, чтоб беспрестанно вносить в жизнь свои идеалы и осуществлять их в этой жизни. Для грека жить значило мыслить: другой жизни не понимал он. Его верование было тот же пантеизм, но не отвлеченный и неподвижный, а распавшийся на множество живых и прекрасных божественных личностей. Грек всегда предчувствовал больше, чем понимал: доказательство – воздвигнутый им в афинском храме алтарь *богу неведомому*{21}. Грек диалектически пережил свое верование, дошел до точки, где оно стало знанием. Он перепробовал все формы жизни общественной и гражданской; он принадлежал и семейству, но жил на площади, в храмах, в мастерских художников, в садах академий и лицеев, слушая ораторов и философов; конец его внутренней жизни был концом и его политического существования. Суровый римлянин развил своим политическим существованием идею права, основанного на авторитете чистого мышле-

ния, отвлеченного рассудка. Для римлянина легче было увидеть себя ложно обвиненным и несправедливо осужденным, нежели оправданным не по форме суда, не на основании закона, а по произволу судящих. Закон для него был не преданием и не обычаем, но сознанием, – и вместе с развитием его сознания развивалось и его право, так что, не зная истории Рима при каких-нибудь Горациях и Куриациях{22}, нельзя знать, откуда и как явилось то или другое узаконение при том или другом императоре до Юстиниана. Развив вполне отвлеченное понятие положительного права, Рим совершил свое назначение, изжил всю свою жизнь, – и его история, от эпохи собрания законов в кодексы до падения от мечей варваров, есть журнал смертельной болезни, который врач ведет, наблюдая Своего пациента до последней его минуты. Христианство возродило Европу и дало ей неизживаемый запас жизни. Не будем говорить о рыцарстве, об обожании женщины, о возникновении городов и среднего сословия, словом, о всех этих изменениях, вследствие которых варварский Север стал в главе человечества и по-

стыдил своим духовным развитием образованный Юг. Что общего между полудиким норманнским рыцарем, с ног до головы закованным в железо, ломающим копье в честь своей дамы, и Наполеоном в сером сюртуке, с маленькою шпагой? Что общего между презираемым мещанином средних веков, который еще не забыл боли от ошейника, и между могучим банкиром Ротшильдом? Что общего между монахом средних веков, в тишине кельи, при свете лампы, писавшим свои простодушные хроники, и профессором нашего времени, с кафедры критически рассматривающим наивную летопись монаха? Что общего между алхимиком средних веков, таинственно, с опасностью подвергнуться пытке и сожжению за колдовство, отыскивавшим философский камень, и Кювье, Жоффруа де Сент-Илером, Гумбольдтом, открыто, перед всем человечеством совлекающими с природы таинственные ее покровы? Что общего между бродячим трубадуром средних веков, украшавшим своими песнями пиры царей, и между поэтом новейшей Европы, или гонимым от общества, или носившим ливрею знатных

бар, и наконец – между Байронами, Гете, Шиллерами, Вальтер Скоттами – этими гордыми властелинами нашего времени? – Что общего? – Ничего! Однако ж все эти противоположности – не иное что, как крайние звенья одной и той же великой цепи духовного развития и цивилизации. Самое непостоянство мод в платье и мебели выходит в Европе из глубокого начала движущейся и развивающейся жизни и имеет великое значение. Год для Европы – век для Азии; век для Европы – вечность для Азии. Все великое, благородное, человеческое, духовное вошло, выросло, расцвело пышным цветом и принесло роскошные плоды на европейской почве. Разнообразие жизни, благородные отношения полов, утонченность нравов, искусство, наука, поработление бессознательных сил природы, победа над матернею, торжество духа, уважение к человеческой личности, святость человеческого права, – словом, все, во имя чего гордится человек своим человеческим достоинством, через что считает он себя владыкою всего мира, возлюбленным сыном и причастником благодати божией, – все это есть резуль-

тат развития европейской жизни. Все человеческое есть европейское, и все европейское – человеческое...

Россия не принадлежала, и не могла, по основным элементам своей жизни, принадлежать к Азии: она составляла какое-то уединенное, отдельное явление; татары, по-видимому, должны были сроднить ее с Азией; они и успели механическими внешними узами связать ее с нею на некоторое время, но духовно не могли, потому что Россия держава христианская. Итак, Петр действовал совершенно в духе народном, сближая свое отечество с Европою и искореняя то, что внесли в него татары временно азиатского.

Обратимся теперь к творениям, подавшим нам повод к этим мыслям. Вот книга Кошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Но сперва нам следует дать читателям сведение об авторе этой книги.

Г-н Соловьев, профессор Александровского университета{23}, во время своего путешествия по Швеции в 1837 году, узнал, что в Стокгольмском государственном архиве хранится рукопись, которая содержит в себе опи-

сание России при царе Алексие Михайловиче и которая есть перевод с оригинального русского сочинения, принадлежащего подъячому Посольского приказа Кошихину. В скором времени г. Соловьеву удалось отыскать и самый подлинник, хранившийся в библиотеке Упсальского университета. К заглавию этой рукописи есть приписка: «Григорья Карпова Кошихина, Посольского приказа подъячего, а потом Иваном Александровичем Селицким зовимого, работы в Стокхолме 1666 и 1667». В предисловии к шведскому переводу рукописи Кошихина находятся некоторые известия о жизни ее автора. Кошихин служил в Посольском приказе, был неоднократно употребляем для письмоводства при дипломатических сношениях с иностранными дворами и ездил гонцом в Стокгольм. Князь Ю. А. Долгорукий, сменивший прежних начальников Кошихина, князей Черкасского и Прозоровского, потребовал от Кошихина, чтоб он сделал ложный донос на своих бывших начальников. Благородный подъячий, не чувствуя себя в состоянии выполнить такое дело и вместе с тем ожидая всего от мести, бежал в Польшу (око-

ло 1664 года), где скрывался под именем Се-лицкого, потом странствовал в Пруссии и был в Любеке, после чего, пробравшись в Лифляндию, предался покровительству рижского генерал-губернатора Гельмфельдта, который исходатайствовал ему дозволение на свободное пребывание в Швеции. Прибыв в Швецию в 1666 году, Кошихин, по требованию государственного канцлера графа Магнуса Делагарди, окончил свое сочинение «О России», начатое им вскоре по побеге из-под Смоленска. Кошихин был казнен в Стокгольме за убиение своего хозяина Анастасиуса, совершенное в нетрезвом виде, в ссоре по подозрению в любовной связи с его (?) женою{24}.

Рукопись Кошихина издана Археографическою комиссиею, под редакциею почтенного члена ее г. Бередникова.

Следующие выписки из книги Кошихина дадут читателям лучшее понятие о самой книге.

Вот как вступали в брак русские цари:

...А вшед в церковь, царь и царевна станут среди церкви, близко олтаря, и постелят под них, на чом стояти

объяри золотой сколько доведется, и с одну сторону царя держит под руку дружка, а царевну сваха; и протопоп, устроясь во одеяние церковное, начнет их венчати по чину, и в то время царевну открывают; и возлагает на них протопоп венцы церковные, а по венчании подносит им из единого сосуда пити вина французского красного, и снимет с них церковные венцы, и взложит на царя корону. И потом протопоп поучает их, как им жити: жене у мужа быти в послушестве и друг на Друга не гневаться, разве некия ради вины мужу поучити ея слегка жезлом, занеже муж жене яко глава на церкви, и жили бы в чистоте и в богобоязни, неделю и среду и пяток и все посты постили, и господьския праздники и в которые дни прилучится празнотети апостолом и евангелистом и иным нарочитым святым греха не сотворили, и к церкви божией приходили и подаяние давали, и со отцем духовным спрашивались по часту, той бо на вся блага научит. А соверша протопоп поучение, царицу возмет за руку и вдаст ю мужеву, и велит им меда себя учинити

целование, и по целовании царицу покроют и потом протопоп и свадебный чин царя и царицу поздравляют венчався

.....

А как начнет царь с царицею опочивать, в то время конюшей ездит около той полаты на коне, вымя меч наголо, и близко к тому месту никто не приходит; и ездит конюшей во всю ночь до света. И испустя час боевой, отец и мать, и тысяцкой, посылают к царю и к царице спрашивать о здоровье. И как дружка приходя спрашивает о здоровье, и в то время царь отвечает, что в добром здоровье, будет доброе между ними совершилось; а ежели не совершилось, и царь приказывает приходить в другой ряд, или в третьей, а дружка потому ж приходит и спрашивает. И будет доброе меж ними учинилось, скажет царь, что в добром здоровье, и велит к себе быти всему свадебному чину и отцам и матерям, а протопоп не бывает; а когда доброго ничего не учинится, тогда все бояре и свадебной чин разъедутся в печали, не быв у царя. А как свадебный чин прихо-

дит к царю, и отцы и матери и весь чин, царя и царицу поздравляют сочтается законным браком, и царь жалует подает им кубками и ковшами питья, и потом и царица подает же; и потом царь велит принести себе и царице есть легкое, потому что тот день весь постили, и едят с царицею вместе. А как откушают, и в то время сказывает царь свадебному чину, чтоб они ехали к себе, и наутрее были к обеду, и съезжались бы все преж обода; а сам с царицею начнет попрежнему опочивать. И наутрее того дни царю и царице готовят мылны, разные, и ходит царь в мылню, а с ним дружка и постелничей; а как царь выходит из мылны, и в то время возлагают на него срачицу и порты и платье иное, а прежнюю срачицу велит сохранить постелничему; и после того слушает царь заутреню, доколе царица в мылны; и как ее во одеяние нарядят, и в тож время и бояре съезжаются к царю. А как царица пойдет в ылню, и с нею мать и инья ближспия жены и сваха, и осматривают ее сорочки, а осмотри сорочки покажут царской

матери и иным сродственным женам немногим, для того, что ее девство в целости совершилось, и те сорочки, царскую и царицыну, и простыни, собрав вместо, сохраняют в тайное место, доколе веселие минется; и потом из мылни выходит в свои палаты. А как царю о том ведомо учинится, что уж из мылни вышла и по чину изготовились, и в то время царь со всем своим поездом ходит к царице; а царица в то время бывает во всем своем одеянии и в венце царском; и чиновные люди царя и царицу поздравляют; а потом царица подносит мыльные дары царю, и бояром, и всему свадебному чину, сорочки и порты, а бывают те сорочки и порты тафтяные и полотняные, шиты золотом и серебром. И потом царь с поезжаны ходит к патриарху, и патриарх его благословляет; и от патриарха ходит царь по церквам своим и молебствует, а по молебствовании прикладывается к образам (стр. 8–10).

За сим начинается ряд пиров, обедов, задача подарков, милостей, вкладов в церкви, в монастыри, в богадельни, подачи хлебным и

деньгами низшему церковному клиру.

А по всей его царской радости, жалует царь по царице своей отца ее, а своего тестя, и род их, с низкие степени возведет на высокую, и кто чем не достанет, сподобляет своею царскою казною, а иных разсылает для прокормления по воеводствам в города, и на Москве в приказы, и дает поместья и вотчины; и они теми поместьями и вотчинами, и воеводствами и приказным сиденьем побогатеют (стр. 12).

Вот подробная картина семейного быта царского:

У царя и у царицы покои свои особые; и видают царицу бояре и ближние люди времяем, а простые люди мало когда видают. И на праздники государские, и в воскресные дни, и в посты, царь и царица почивают в своих покоях порознь; а когда случится быти опочивати им вместе, и в то время царь по царицу посылает, велит быть к себе спать или сам и ней похочет быть. А которую ночь опочивают вместе, и на утрее ходят в мыльню порознь, или водою измыются; а не быв в мыльне,

или не измывая водою, в церковь и ко кресту не приходят, понеже поставлено то в Нечистоту и в грех, и не токмо царю и царице, но и простым людям запрещено.

Сестры же царские, или и дочери, царевны, имеяй свои особые ж покои разные, и живущие яко пустынницы, мало зряху людей, и их люди; но всегда в молитве и в посте пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удовольствие имеяй царственное, не имеяй бо себе удовольствия такого, как от всемогущего бога вдано человеком совокупиться и плод творити. А государства своего за князей и за бояр замуж выдавати их не повелось, потому что князи и бояри их есть холопи и в челобитье своем пишутся холопыми, и то поставлено в вечный позор, ежели за раба выдать госпожу; а иных государств за королевичей и за князей давати не повелось, для того что не одной веры, и веры своей отменить не учинят, ставят своей вере и поругание, да и для того, что иных государств языка и политики не знают, и от того б им было в стыд (стр. 12).

При рождении царевича бывают великие пиры и богатые раздаются вклады, подарки и милостыни. При рождении царевны эти расходы бывают вполовину меньше. Если кормилица царевича или Царевны дворянского рода, мужу ее дается воеводство или вотчина, а если низшего звания, то повышают чинами и награждают большим жалованьем. «А как приспеет время учить царевича грамоте, и в учителя выбирают учительных людей, *тихих и небражников*; а писать и учить выбирают из посольских подьячих; а иным Языком, латинскому, греческого, немецкого, и некоторых, кроме русского поучения, в Российском государстве не бывает». До 15летнего возраста, кроме близких людей, царевича никто не видит; после же этого срока он ходит с отцом своим в церковь и на потехи; «а как уведают люди, что уж его объявили, и из многих городов люди на дивовише ездят смотреть его нарочно». Когда же царевны и молодые царевичи ходят в церковь, то, чтобы никто не мог их видеть, около них несут суконные полы, и в церкви завешивают тафтою. Экипажи завешивались тафтою во время поездок по мона-

стырям. Когда царь умирает, – подобно тому как и при женитьбе его, преступники освобождаются из тюрем.

Горе тогда людям, будущим при погребении, потому что погребение бывает в ночи, а народу бывает многое множество, московских и приезжих до городов и из уездов; а московских людей натура не богобоязливая, с мужеска пола и женска по улицам грабят платье и убивают до смерти; и сыщется того дни, как бывает царю погребение, мертвых людей убитых и зареванных боши ста человек... И изойдетя на царское погребение денег на Москве и в городех, близко того, что на год придет с государства казны (стр. 17).

Свадьбы бояр совершались почти так же, как и царские: разница – в отношениях царя к подданным, и наоборот. Сватовство производилось всегда не самим женихом, а кем-нибудь из его родственников или из друзей; и только в церкви, под венцом, мог жених увидеть подругу всей своей жизни. Венчанью предшествовал формальный контракт, или записи, в которых отец невесты выставлял ее

приданое, а жених обязывался жениться в такой-то срок времени. Когда новобрачных отведут спать, гости, по наивному выражению Кошихина, «учнут есть и пить по-прежнему». *Спустя час боевой*, посылают к новобрачным справляться о здоровье; в случае удовлетворительного ответа, боярыни идут в спальню, поздравляют и пьют заздравные чаши; потом оставляют новобрачных и разъезжаются, вместе с гостями мужеска пола, домой, «а жених с невестою учнет по-прежнему опочивать». На другой день, после бани, жених бьет челом родителям молодой, что соблюли ее в целости; в противном случае пеняет им потиху, однако так, что об этом все узнают, и царь не принимает его к себе с челобитьем. Если узнают, что новобрачные в родстве или кумовстве, их разводят, с правом искать – ему другой жены, а ей – другого мужа; а попа отставляют, взыскав с него большую пеню.

Таким образом бывают свадьбы и у прочих дворян, «как кто может по силе своей славному и честному свадбу учинити кроме того что ездят к царю челом ударить только думные люди и спалники». «Также и меж торговых людей и

крестьян свадебные сговоры и чин бывает против того ж обычая, во всем; но только в поступках их и в платье с дворянским чином рознится, сколько кого станет».

А будет у которого отца, или матери, есть две или три дочери девицы, и первая дочь увечна очми, или рукою, или ногою, или глуха и нема, а другие сестры ростом и красотю и речью исполнены и во всем здоровы; и будет кто учнет свататься у того человека на дочери его, и посылает смотрити мать свою или сестру и кому верить, и те люди вместо тое своея увечный дочери, назвав именем тое дочери, за которую не ведаючи учнут свататься, показывает другую или третью дочь, и та присланная смотря девицы тое излюбит и скажет жениху, что она добра и женится ему на ней мочно: и как жених по тем словам полюбит и о свадьбе у них с отцем и с матерью учинится сговор, что ему на той именем девице жениться на срок, а тому человеку тое свою девицу за него выдать на тот же уставленной срок, и напишут в письме своем заряды вели-

кие, что платить виноватому не мочно; а как будет свадьба, и в то время за того жениха по сговору выдают они замуж увечную или худую свою дочь, который имя в записях напишут, а не тое, которую сперва смотрилице показывали, и тот человек, женясь на ней, того дни в лицо ее не усмотрит, что она слепа или крива, или что иное худое, или в словах не услышит, что она нема или глуха, потому что в тое свадьбу бывает закрыта и не говорит ничего, также ежели хрома и руками увечна и того потому ж не узнает, потому что в то время ее водят свахи под руки, а как от венчания и от обеда пойдет с нею спать, и тогда при свече ее увидит, что добре добра, век с нею жить, а всегда плакать и мучиться – и потому умыслит над нею учинить, чтоб она постриглась; а будет по доброй его воле не учинит, не пострижется, и он ее бьет и мучит всячески, и вместе с нею не спит, до тех мест что она похочет постричися сама... А который человек, видя свою жену увечную, или несовестливую, отступя от нее сам пострижется; а иные мужья,

или жены, много того чинят, велят отравками отравляти... Также у которого отца одна дочь девица, а увечна будет чем нибуди худым, и вместо ею на обманство показывают нарочно служащую девку или вдову, назвав именем иным и нарядя в платье в иное. А будет которая девица ростом невелика, и под нее подставляли стулы, потому что видится доброродна, а на чем стоит того не видеть.

Благодаразумный читателю! не удивляйся сему; истинная есть тому правда, что во всем свете нигде такого на девки обманства нет, яко в Московском государстве; а такого у них обычая не повелось, как в иных государствах, смотрити и уговариватися временем с невестою самому (стр. 124–126).

Прочие описания частной жизни бояр у Кошихина также любопытны. Кушанья готовились без приправ, и всякий клал в них уксуса, соли и перца уже на столе. Число яств за обедом простиралось до 50 и до 100.

Обычай же таковой есть: пред обедом велят выходить к гостем челом уда-

рить женам своим. И как те их жены к гостем придут, и станут в полате, или в избе, где гостем обедать, в большом месте, а гости станут у дверей, и кланяются жены их гостем малым обычаем, а гости женам их кланяются все в землю; и потом господин дому бьет челом гостям и кланяется в землю ж, чтоб гости жену его изволили целовать, и наперед, по прошению гостей, целует свою жену господин, потом гости един по единому кланяются женам их в землю ж, и пришед целуют, и поцеловав отшед потому ж кланяются в землю, а та кого целуют, кланяется гостем малым обычаем; и потом того господина жена учнет подносити гостем по чарке вина двойного, или тройного с зельи, величиною та чарка бывает в четвертую долю квартаря, или малым болши; и тот господин учнет бити челом гостем и кланяется в землю ж, сколько тех гостей ни будет всякому по поклону, чтобы они изволили у жены его нити вино; и по прошению тех гостей, господин прикажет пити наперед вино жене своей, потом пьет сам, и подносят

гостем, и гости пред питьем вина и выпив отдав чарку назад кланяются в землю ж; а кто вина не пьет, и ему вместо вина романеи, или ренского, или иного питья по кубку; и по том пиши, того господина жена поклонясь гостем пойдет в свои покои, к гостем же, к боярыням тех гостей к женам. А жена того господина, и тех гостей жены, с мужским полом, кроме свадеб, не обедают никогда, разве которые гости бывают кому самые родственные, а чужих людей не бывает, и тогда обедают вместе. Таким же обычаем, и в обед, за всякою ествою господин и гости пьют вина по чарке, и романею, и ренское, и пива поддельные и простые, и меды розные. И в обед же как приносят на стол ествы круглые пироги, и перед теми пирогами выходят того господина сыновни жены, или дочери замужние, или кого родственников людей жены, и те гости встав и вышед из-за стола к дверям тем женам кланяются, и мужья тех жен потому ж кланяются и бьют челом, чтоб гости жен их целовали и вино у них пили; и гости целовав тех жен

и пив вино садятся за стол, а те жены пойдут по-прежнему, где сперва были. А дочерей они своих девиц к гостям не выводят и не указывают никому, а живут те дочери в особых дальних покоях. А как стол отойдет, и по обеде господин и гости потому ж веселятся и пьют друг про друга за здоровья, разъедутся по домам. Таким же обычаем и боярыни обедают и пьют меж себя, по достоинству, в своих особых покоях; а мужского полу, кроме жен и девиц, у них не бывает никого (стр. 118–119).

Вот как Кошихин представляет наше боярство.

Когда в посольстве назначались люди, равные породою и родом, но неравные заслугами отцов, из которых одни никогда не бывали в должностях такого рода, – то потомки дедов, бывавших в посольствах, отказываются ехать с другими, а эти бьют челом Царю на них в бесчестии. Царь приказывает справиться в разрядных книгах, и если оказывается, что тем и другим «ехать мочно», велит ехать; а если «не мочно», назначает других. В случае

непослушания после справки, царь выдает виноватого головою оскорбленному. Фраза «выдать головою» не раз подавала у нас повод к ложным толкам; вот в чем состоял и вот как производился действительно процесс «выдачи головою».

И которого дни прикажет царь кого боярина, или околничего, или столника, за бесчестье отослать головою к боярину, или думного человека и столника к околничему, и того дни тот боярин, или околничей, у царя не бывает, а посылают к нему с вестью, которые люди с ним быть не хотели пришлют к нему головою; и он того ожидает. А посылают к ним таких людей с дьяком, или с подьячим, и взяв тех людей за руки, ведут до боярского двора приставы, а на лошади садиться не дают; а как приведут его на двор к тому, с кем он быти не хотел, поставят его на нижнем крыльце, а дьяк, или подьячей, велит тому боярину о своем приходе сказать, что привел к нему того человека, который с ним быти не хотел, и его бесчестит, и боярин к дьяку, или подьячему, выдет на крыльцо;

и дьяк и подьячей учает говорить речь, что великий государь указал и бояре приговорили того человека, который с ним быти не хотел, за его боярское бесчестье, отвести к нему боярину головою; и тот боярин на царском жалованье бьет челом, а того кого приведут велит отпустить его к себе домовь, и отпустя его домовь на дворе у себя на лошади ему садитися и лошади водити на двор не велит. И тот, кого посылают к кому головою, от царского двора идучи до боярского двора и у него на дворе, лаает его и бесчестит всякою бранью; а тот ему за его злоречивые слова ничего не чинит, и не смеет, потому что того человека отсылает царь к тому человеку за его бесчестье, любячи его, а не для чего иного, чтоб тот человек учинил над ним убойство, или увечье; а кто б что над таким отсыланным человеком что учинил, какого злого бесчестья и увечья, и тому б человеку самому указ был против того вдвое, потому что он обесчестит не того, кого к нему отошлют, истинно будто самого царя. А кто таких людей отводит дьяк, или подья-

чей, и тот боярин, к которому отводят, дарит их подарками не малыми. И на завтра того дни ездит тот боярин к царю, а приехав бьет челом царю на его жалованье, что он к нему велел за бесчестье противника его отослать головою. И после того царь велит с тем боярином, или околничим, быти иному человеку, кому мочно, а прежняго оставя; и бывает царь на того человека гневен, и очей его царских не видит многое время.

А которые не думного чину люди не хотят быть, по указу царскому и по сыску, с теми людми, с кем им быть велено, и тем бывает за ослушание и за бесчестье наказание в тюрьму, по царскому рассмотрению; а иным за такое их ослушание и за бесчестье того, с кем быти не хотят, учинят наказание, бьют батоги в приказех и в верху перед царскими полатами; а на иных за бесчестья правят денги, против жалованья, и отдают тому, кого они бесчестят; а у иных за такие ослушания бывает наказание, отоймут честь и поместья и вотчины, и бив кнутом или батоги, ссылают в ссылку

на вечное житье в Сибирь в казаки. Также как у царя бывает стол на властей и на бояр, и власти у царя садятся за столом, но правой стороне, в другом столе. И как те бояре учнут садиться за стол, по чину своему, боярин под боярином, околничей под околничим и под боярами, думный человек под думным человеком и под околничими и под боярами, а иные из них ведая с кем в породе своей ровность под теми людьми садятся за столом не учнут, поедут по домам, или у царя того дни отпрашиваются куды к кому в гости, и таких царь отпускает. А будет царь уведает, что они у него учнут проситися в гости на обманство, не хотя под которым человеком сидеть, или не прошався у царя поедет к себе домовь: и таким велит быть и за столом сидеть, под кем доведется. И они садитись по учнут, а учнут бити челом, что ему ниже того боярина, или околничего, или думного человека, сидети не мочно, потому что он родом с ним ровен, или и честняя, и на службе и за столом преж того род их с тем родом, под которым велят си-

дети, не бывали: и такого царь велит посадити силно; и он посадити себя не дает, и того боярина бесчестит и лаает. А как его посадят силно, и он под ним не сидит и выбивается из-за стола вон, и его не пускают и розговаривают, чтоб он царя не приводил на гнев и был послушен; и он кричит: «хотя де царь ему велит голову отсечь, а ему под тем не сидеть» и спустится под стол; и царь укажет его вывести вон и послать в тюрьму, или до указа к себе на очи пущати не велит. А после того, за то ослушание отнимается у них честь, боярство, или околичество и думное дворянство – и потом те люди старые своей службы дослуживаются вновь.

А кому за такие вины бывают наказания, сажают в тюрьму, и отсылают головою, и бьют батоги и кнутом: и то записывают в книги, имянно, впредь для ведомости и спору (стр. 34–36).

Выписываем слова Кошихина об администрации.

И кто что в посольстве своем говорил

какие речи, сверх наказу, или которые речи не исполняют против наказу: и те все речи, которые говорены, И которые не говорены, пишут они в статейных своих списках не против того, как говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разум на обманство. чрез чтоб достать у царя себе честь и жалованье большое; и не срамляются того творити, понеже царю о том кто на них может о таком деле объявить?

Вопрос: Для чего так творят?

Ответ: Для того: Российского государства люди породю своею спесивы и необычайные ко всякому делу, понеже в государстве своем поучения никакого доброго не имеют и не приемлют, кроме спесивства и бесстыдства и ненависти и неправды: и ненаучением своим говорят многие речи к противности, или скоростию своею к подвижности, а потом в тех своих словах временем запрутся и превращают на иные мысли; а что они говоря каких слов запираются, и тое вину возлагают на переводчиков, будто изменою толмачат... Благоразумный читате-

лю! чтучи сего писания не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая в иные государства детей своих не посылают, страшась того: узнав тамошних государств веру и обычаи, начали б свою веру отменять и приставать к иным, и о возвращении к домам своим и к сродичам никакого бы попечения не имели и не мыслили. И о поезде московских людей, кроме тех, которые посылаются по указу царскому и для торговли с проезжими, ни для каких дел ехати пикому не волено. А хотя торговые люди ездят для торговли в иные государства, ж по них по знатных нарочитых людях собирают поручные записи, за крепкими поруками, что им с товарами своими и с животами в иных государствах не остатися, а возвратится назад совсем. А который бы человек, князь или боярин, или кто-нибудь, сам, или сына, или брата своего, послал для какого-нибудь дела в иное государство без ведомости, не бив челом государю, и такому б человеку за такое дело поставлено было в измену, и вотчины, и поместья, и животы взяты б были на

царя; и ежели б кто сам поехал, а после его остались сродственники, и их пытали, не ведали ли они мысли сродственника своего; или б кто послал сына или брата, или племянника, и его потому ж пытали б, для чего он послал в иное государство, не напроваживаючи ль каких воинских людей на московское государство, хотя государством завладети, или для какого иного воровского умышления по чьему научению и пытав того таким же обычаем (стр. 41).

Это суждение Кошихина очень замечательно: оно доказывает, что еще до Петра Великого умные люди сетовали на невежество высшего класса.

Замечательно у Кошихина описание известного бунта черни, по поводу введения медных денег, в царствование Алексея Михайловича. Царь в то время был в селе Коломенском и стоял в Церкви, из которой, увидев толпы народа, вышел к ним. Чернь начала требовать выдачи бояр, «и царь их уговаривал тихим обычаем, чтоб они возвратились и шли назад, к Москве, а он царь койчас отслу-

шает обедни будет в Москве, и в том деле учинит сыск и указ; и те люди говорили царю и держали его за платье за пуговицы: «чему де верить?» и царь обещался им богом и дал им на своем слове руку, и один человек из тех людей с царем бил по рукам, и пошли к Москве все».

...почали у царя просить для убийства бояр, и царь отговаривался, что он для сыску того дела едет к Москве сам; и они учали царю говорить сердито и невежливо, с грозами: «будет он добром им тех бояр не отдаст, и они у него учнут имать сами, по своему обычаю». Царь, видя их злой умысл, что пришли недобро и говорят невежливо, с грозами, и проведав, что стрельцы к нему на помочь в село пришли, закричал и велел стольником, и стряпчим, и дворяном, и жильцом, и стрельцом, и людем боярским, которые при нем были, тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити. И как их почали бить и сечь и ловить, и им было противитися не уметь, потому что в руках у них не было ничего, ни у кого, почали бегать и топиться в Моск-

ву-реку – и потопилося их в реке болши 100 человек, а пересечено и переловлено болши 7000 человек, а иные розбежались. И того ж дни около того села повесили со 150 человек, а досталным всем был указ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсекали руки и ноги и у рук и у ног палцы, а иных бив кнутъем, и клали на цели на правой стороне признаки, разжегши железо на красно, а поставлено на том железе «буки» т. е. бунтовщик, чтоб был до веку признатен; и чиня им наказания, разослали всех в дальний городы, в Казань и в Астрахань, и на Терки и в Сибирь, на вечное житье, и после их, по сказкам их, где кто жил и чей кто ни был, и жен их и детей потому ж за ними разослали; а иным пущим воров того ж дни, в ночи, учинен указ, завязав руки назад, посадя в болшии суды, потопили в Москве-реке. А которые люди пришли в то село для челобитья дел своих, до того смутного времени, и люди их знали, и челобитные их сыскались: и таких уволили. А все те, которые казнены и потоплены и разосланы, не все были воры, а прямых воров болши

не было, что с 200 человек; и те невинные люди пошли за теми ворами смотреть, что они, будучи у царя, в своем деле учинят, а воров на такое множество людей надежно было говорить и чинить что хотели, и от того все погинули, виноватой и правой. А были в том смятении люди торговые и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские и гуляющие и боярские люди; а поляков и иных иноземцев хотя на Москве множество живет, не сыскано в том деле ни единого человека, кроме русских. И на другой день приехал царь к Москве и тех воров, которые грабили дома, велел повесить по всей Москве у ворот человек по 5 и по 4; а досталным был указ таков же, что и иным (стр. 81–82).

Многие уголовные дела предавались суду патриарха, а не светской власти.

А будет учинят (бояре и дворяне) над подданными своими, крестьянскими женами и дочерьми, какие блудные дела или у жонки выбьют ребенка, или мученая и битая с ребенком умрет, и

будет на таких злочипчев челобитье: и по их челобитью отсылают такие дела, и истцов и ответчиков, на Москве к патриарху, а в городех к митрополитам и к архиепископам и к епископу, и судят такие дела и указ по ним чинят, до чего доведется, у них на дворех, а в царском суде до того дела нет (стр. 114).

Перейдем теперь к судопроизводству, преимущественно уголовному. Кошихин говорит, что судьи в старину были страшные взяточники.

Однако ж хотя на такое дело положено наказание и чинят о тех посулах крестное целование с жестоким проклинателством, что посулов не имати и делати в правду, по царскому указу и по уложению: ни во что их вера и заклинателство и наказания не страшатся, от прелести очей своих и мысли содержать не могут и руки свои ко взятию скоро допускают, хотя не сами собою, однако по задней лестнице чрез жену или дочь, или чрез сына и брата, и человека, и не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и

не ведают (стр. 93).

Главнейшее орудие уголовных процессов
была пытка.

А на которых они (разбойники) людей скажут и станы свои укажут, и тех людей, сыскав всех, поставят с очей на очи и тех воров пытаются накрепко, впрям ли те люди, на которых они говорят, с ними в том воровстве товарищами или становщиками и оберегалщиками были и ненапрасно ль на них говорят, по насердке: и будет с пыток скажут, что впрям ли те люди их товарищи и становщики или оберегалщики, и тех всех потому ж начнут пытать. (А устроены для всяких воров пытки: сымут с вора рубашку и руки его позади завяжут, подле кисти, веревкою, обшита та веревка войлоком, и подымут его кверху, учинено место что и виселица, а ноги его свяжут ремнем: и один человек палач вступит ему в ноги на ремень своею ногою, и тем его отягивает, и у того вора руки станут прямо против головы его, а из суставов выдут вон; и потом сзади палач начнет бити по спине кнутом из-

редка, в час боевой ударов бывает тридцать или сорок; и как ударит по которому месту по спине, и на спине станет так слово в слово будто большой ремень вырезан ножом, мало не до костей. А учинен тот кнут ременной, плетеной, толстой, на конце связан ремень толстой шириною на палец, а длиною будет в 5 локтей). И пытав его, начнут пытатъ других потому ж, и будет с первых пыток не винаются, и их спустя неделю времени пытают вдругорядь и в третье, и жгут огнем, свяжут руки и ноги, и вложат меж рук и меж ног бревно, и подымут на огонь, а иным розжегши железный клещи нарасно ломают ребра: и будет и с тех пыток не повинятся, и таких сажают в тюрьму, доколе по них поруки будут, что им впредь за худым делом не ходити и вперед худого ничего не мыслити никому... А бывают мужеску полу смертные и всякие казни: головы отсекают топором за убийства смертные и за иные злые дела, вешают за убийства ж и за иные злые дела; живого четвертают, а потом голову отсекут за измену, кто город сдаст

неприятелю, или с неприятелями держит дружбу листами, или иные злые изменные и противные статьи объявятся; жгут живого за богохульство, за церковную татьбу, за содомское дело, за волховство, за чернокнижство, за книжное преложение, кто учинит вновь толковать воровски против апостолов и пророков и святых отцов с похулением, оловом и свинцом заливают горло за денежное дело, кто воровски делает, серебряником и золотарем, которые воровски прибавляют в золото и в серебро медь и олово и свинец; а иным за малые такие вины отсекают руки и ноги или у рук и у ног пальцы; ноги ж и руки и пальцы отсекают за конфедератство или и за смуту, которые в том деле бывают маловинны, а иных казнят смертию; также кто на царском дворе или где-нибудь, вымет на кого саблю, или нож, и ранит или и не ранит, также и за церковную за малую вину, и кто чем замахивается на отца бить и мать, а не бил, таковы ж казни; за царское бесчестье, кто говорит против него за очи бесчестные или иные какие понос-

ные слова, бив кнутом вырезают язык. Женскому полу бывают пытки против того же, что и мужскому полу, кроме того, что на огне жгут И ребра ломают. А смертные казни женскому полу бывают: за богохульство и за церковную татьбу, за содомское дело жгут живых; за чаровство и за убийство отсекают головы; за погубление детей и за иные такие ж злые дела живых закопывают в землю по титки, с руками вместе потаптывают ногами, и от того умирают того ж дни или на другой и на третий день; а за царское бесчестье указ бывает таков же, что мужскому полу. А которые люди воруют с чужими женами и с девками, и как их изымают, и того ж дни или на иной день обеих мужика и жонку, кто б таков ни был, вода по торгам и по улицам вместе нагих, бьют кнутом (стр. 91–92).

Теперь оставим Кошихина и обратимся к другому очевидцу и свидетелю времени, непосредственно последовавшего за тем, которое описано Кошихиным. Мы разумеем здесь Желябужского, о любопытных записках

которого, объемлющих собою период времени от смерти царя Феодора Алексиевича до 1709 года, было говорено в VI-й книжке «Отечественных записок» 1840 г. (том X). Здесь нам кстати и даже необходимо опять напомнить читателям об этой книге{25}, чтоб дополнить картину внутреннего быта прежних времен России, из которых исторгла ее могучая воля Петра Великого.

...В том же году учинено наказание Петру Васильеву сыну Кикину: бит кнутом перед стрелецким приказом за то, что он девку растлил. Да и преж сего он Петр пытан был на Вятке за то, что подписался было под руку думиаго дьяка Емельяна Украинцова. – В 193 году Федосей Филипов сын Хвоцинский пытан из стрелецкого приказу в воровстве, и за то его воровство, на площади чинено ему наказанье: бит кнутом за то, что он своровал: на порожном столбце составил было запись. – Князю Петру Кропоткину чинено наказанье перед московским судным приказом: бит кнутом за то, что он в деле своровал, выскреб и приписал своею рукою. – Степану Коробьи-

ну учинено наказанье: бит кнутом за то, что девку растлил (стр. 15). Биты батоги перед холопьем приказом, Микита Михайлов сын Кутузов, да Марышкин за то, что они ручались по Касимовском царевиче в человеке. – В том же году князь Яков Иванов сын Лобанов-Ростовский да Иван Андреев сын Микулин ездили на разбой по Троицкой дороге, к красной сосне, разбивать государевых мужиков с их великих государей казною, и тех мужиков они розбили, и казну взяли себе, и двух человек мужиков убили до смерти. И про то их воровство разъискивано, и по розыску он князь Яков Лобанов взят с двора и привезен был к красному крыльцу, в простых санишках, и за то воровство учинено ему князь Якову наказанье: бит кнутом в железном подклете по упросу верховой боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой-Ростовской. Да у него ж князь Ивана отнято за то его воровство бесповоротно четыреста дворов крестьянских. А человека его колмыка, да казначея, за то воровство повесили. А Ивану Микулину за то учинено наказа-

ные: бит кнутом на площади нещадно, и отняты у него поместья и вотчины бесповоротно, и розданы в роздачу, и сослан был в ссылку в Сибирь, в город Томег. – В том же году чинено наказанье Дмитрию Артемьеву сыну Камынину, бит кнутом перед поместным приказом за то, что выскреб в поместном приказе, в тяжбе с патриархом. – В том же году Богдан Засецкой, и с сыном, кладены на плаху, и снем с плахи, бить кнутом нещадно, а поместья и вотчины розданы были в роздачу бесповоротно. Дело у него было с Петром Безтужевым. – В том же году, в земском приказе пытан Иван Петров сын Булаков, по челобитью боярина князь Василья Васильевича Голицына, для того, что вымал у него след. С пытки он Иван не винился, сказал: «землю для того де в платок взял и завязал, что ухватил его утин, и прежде сего то бывало, где его ухватит, тут де землю он и берет» (стр. 18–22). В 201 году князь Александру Борисову сыну Крупскому чинено наказанье: бит кнутом за то, что он жену убил. – В том же году пытан черкасский полковник Ми-

хайло Гадицкой в государственном деле. С пытки он ни в чем не винулся, очистился кровью и сослан в ссылку. А который чернец на него доводил, казнен в черкасском городе Батуристине. – В 202 пытан в стрелецком приказе Леонтий Кривцов за то, что он выскреб в деле, да и в иных разбойных делах, и сослан в ссылку. – В том же году пытан и сослан в ссылку Федор Борисов сын Перхуров за то, что он подъячаго убил. – В том же году в приказе сыскных дел пытан дьяк Иван Шапкин: с подъячим своровали в деле в приказе холопья суда. – В том же году бит батогою в стрелецком приказе Григорей Павлов сын Языков за то, что своровал с площадным подъячим с Яковым Алексеевым: в записи написали задними числами за пятнадцать лет. А подъячему вместо кнута учинено наказание, бит батогми на Ивановской площади, и от площади отставлен. – В том дав году, в Семеновском, бит кнутом дьяк Иван Харламов. – В том же году, в стрелецком приказе пытан Володимир Феодоров сын Замыцкой, в подговоре девок, по язычной молвке

Филиппа Давыдова. – Земского приказу дьяк Петр Вязьмитин, перед Московским судным приказом подымай с козел и, вместо кнута, бит батоги нещадно: своровал в деле, на правезж ставил Своего человека вместо от-
ветчика (стр. 26–27). – Дворянин Семен Кулешов бит кнутом за разныя лживыя сказки. – Генваря в... день в стрелецком приказе пытаны коширяне дети боярские: Михайло Баженов, Петр да Феодор Ерлоковы, за воровство. – Генваря в 24 день, на Потешном дворце пытан боярин Петр Аврамович Лопухин прозвище Лапки, в государственном в великом деле, и генваря в 25 день в ночи умер.

В тех же числех явились в воровстве, по язычной молвке, стольники Володимир, да брат его Василей Шереметев. Князь Иван Ухтомский пытан. Лев да Григорей Игнатьевы дети Ползиковы, и они в том деле пытаны. Также явились и иные многие. А языки на них с пытки говорили: Ивашко Зверев с товарищи, что на Москве, они приезжали среди бела дни к посадским мужикам, и дома их грабили, и смертное уби-

вство чинили и назывались большими. И Шереметевы свободены на поруки с записьми и даны для бережи боярину Петру Васильевичу Шереметеву. И после того языки их казнены Ивашко Зверев с товарищи (стр. 42). – И того же 203 года изменил из Московского государства Феодор Яковлев сын Дашков, и поехал было служить к польскому королю, и пойман на рубеже, и приведен в Смоленск и роспрашиван. А в роспросе он перед стольником и воеводою перед князем Борисом Федоровичем Долгоруким, в том своем отъезде повинился. А из Смоленска прислан окован к Москве в посольской приказ, а из посольскаго приказа освобожден для того, что он дал Емельяну Украинцову двести золотых. – Дьячей сын Константин Литвинов в стрелецком приказе бит батоги за то, что он обманул было на польском дворе грека: принес сто рублей медных денег вместо серебряных, и с тем был приведен в стрелецкой приказ. – Из того же приказа вожены в застенок люди Тимофея Кирилова сына Кутузова два человека в том, что они били великих государей слеса-

ря и пару пистолей у него отняли. И в застенке те люди повешены на виску, да третьей человек подымал же Петра Безтужева, и на пытке он винился, что того слесаря они били по приказу Тимофея Кутузова, и сам он Тимофей бил и пару пистолей отнял (стр. 50–52).

Представив быт России в том виде, в каком изображают его нам очевидцы, перейдем теперь к тому светлому, благодатному моменту в истории нашего отечества, когда Петр своим мощным «да будет» разогнал тьмы хаоса, отделил свет от тьмы и воззвал страну великую к бытию великому, назначению всемирному.

Все сказанное до сих пор просим принять только за предисловие ко второй статье, которая будет уже в следующей книжке.

Статья II

Россия тьмой была покрыта много лет:

*Бог рек: да будет Петр – и бысть в Рос-
сии свет!*

Старинное двустиишие{26}

Борода принадлежит к состоянию дикого че-
ловека; не брить ее то же, что не стричь
ногтей. Она закрывает от холоду только ма-
лую часть лица: сколько же неудобности ле-
том, в сильный жар! сколько неудобности и
зимою, носить на лице иней, снег и сосульки!
Не лучше ли иметь муфту, которая греет не
одну бороду, но все лицо? Избирать во всем
лучшее есть действие ума просвещенного;
а Петр Великий хотел просветить ум во всех
отношениях. Монарх объявил войну нашим
старинным обыкновениям, во-первых, для то-
го, что они были грубы, недостойны своего ве-
ка; во-вторых, и для того, что они препятство-
вали введению других, еще важнейших и по-
лезнейших иностранных новостей. Надлежа-
ло, так сказать, свернуть голову закоренело-
му русскому упрямству, чтобы сделать нас

гибкими, способными учиться и перенимать...

.....

Все жалкие *церемиады* об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиономии или не что иное, как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении. Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость, наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею и в самом высшем состоянии: для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям.

Карамзин. Письма русского путешественника, т. III, стр. 165–167.

Для России наступает время сознания. Несмотря на холодность и равнодушие, в которых мы, русские, не без причины упрекаем себя, – у нас уже не довольствуются общими местами и истертыми понятиями, но хотят лучше ложно и ошибочно судить, нежели повторять готовые и на веру или по лености и апатии принятые суждения. Так, например, многие, не слыша новых суждений о Пушки-

не и сомневаясь в справедливости давно высказанных и устаревших, сомневаются и в поэтическом величии Пушкина. И это явление отрадно: оно есть выражение потребности самостоятельной мыслительности, потребности истины, которая прежде и выше всего, даже самого Пушкина{27}. *Amicus Plato, sed magis arnica Veritas*[3] – премудрое изречение! Что истинно велико, то всегда устоит против сомнения и не падет, не умалится и не затмится, но еще более укрепится, возвеличится и просветится от сомнений и отрицания, которые суть первый шаг ко всякой истине, исходный пункт всякой мудрости. Сомнения и отрицания боится одна ложь, как боятся воды поддельные цветы и неблагородные металлы. Мы не раз уже повторяли эту истину, говоря о людях, отрицающих великость Пушкина как поэта. Мы думаем диаметрально противоположно с такими людьми; но, если их мнение выходит не из каких-нибудь внешних и предосудительных причин, мы готовы с ними спорить ради истины и уверены, что только через такие споры явится истина и войдет в общее сознание, сделается общим

убеждением. Тем более мы далеки от того, чтоб смотреть на таких людей, как на раскольников, на искажителей истины, оскорбителей памяти великого поэта и чувства национальной гордости. Скажем более: мы понимаем, что могут быть и такие отрицатели гения Пушкина, которые в тысячу раз достойнее уважения многих безусловных почитателей славы великого поэта, повторяющих чужие слова. Явление таких отрицателей обнаруживает не холодность общества к истине, но скорее рождающуюся любовь к ней: ибо безусловное признание чего-нибудь без рассуждения, без проверки разумом, скорее, чем сомнение и отрицание, есть признак апатического равнодушия общества к делу истины. Нет, явление таких отрицателей в молодом обществе есть признак рождающейся мыслительной жизни. В безусловном уважении к авторитетам и именам иногда действительно выражается и любовь и жизнь, но любовь и жизнь бессознательная, простодушная, детская. Смешно же требовать или желать, чтобы общество неподвижно оставалось в состоянии детства, когда этого не требуют и не же-

лают от человека, а если он, вопреки законам развития, останется навек ребенком, то презирают его, как идиота. Говорят, что сомнение подрывает истину: ложная и безбожная мысль! Если истина так слаба и бессильна, что может держаться не сама собою, но охранительными кордонами и карантинами пробив сомнения, то почему же она истина, и чем же она лучше и выше лжи, и кто же станет ей верить? Говорят: отрицание убивает верование. Нет, не убивает, а очищает его. Правда, сомнение и отрицание бывают верными признаками нравственной смерти целых, народов; но каких народов? – устаревших, изживших всю жизнь свою, существующих только механически, как живые трупы, подобно византийцам или китайцам. Но может ли это относиться к русскому народу, столь юному, свежему и девственному, столь могучему родовыми, первосушными стихиями своей жизни, – народу, который с небольшим во сто лет своей новой жизни, возванный к ней творящим глаголом царя-исполина, проявил себя и в великих властителях, и в великих полководцах, и в великих государ-

ственных мужах, в великих ученых, и в великих поэтах; народу, который во сто лет своей новой жизни уже составил себе великое прошедшее, «полный гордого доверия покой»{28} в настоящем, по выражению поэта, и которого ожидает еще более великое, более славное будущее? Нет, мы унизили бы свое национальное достоинство, если б стали бояться духовной гимнастики, которая во вред только хилым членам одряхлевшего общества, но которая в крепость и силу молодому, полному здоровья и рьяности обществу. Жизнь проявляется в сознании, а без сомнения нет сознания, так же как для тела без движения невозможно отправление органических процессов и жизненного развития. У души, как и у тела, есть своя гимнастика, без которой душа чахнет, впадая в апатию бездействия.

В предыдущей статье мы говорили о том, как мало *сделано* у нас для истории Петра Великого и как много *наговорено* о Петре. В самом деле, ему писали похвальные слова, его прославляли и в стихах и прозе. Ломоносов сделал его даже героем эпической поэмы, на манер «Энеиды»{29}. В подражание досто-

хвальному и почтенному по цели своей труду Ломоносова, два другие поэта – Грузинцев и Шихматов-Ширинский – с неменьшим успехом – воспели Петра в лиро-эпических поэмах {30}. Но все это, и хорошее и посредственное, как-то не шевелило души. С почтенными авторами все соглашались безусловно в похвалах Великому, но читали их мало или совсем не читали. Причиною тому было, что все эти господа сочинители и писали и пели как-то на один манер и на один голос, и в форме их фраз заметно было какое-то утомительное однообразие, свидетельствовавшее об отсутствии содержания, то есть мысли. Самые жаркие похвалы, самые восторженные излияния удивления к Великому отличались каким-то официальным характером. Так продолжалось до времен Пушкина, который один, как великий поэт и выразитель народного сознания, умел говорить о Петре языком, достойным Петра. Но в сочинениях ученого содержания говорилось все по-старому, с тою только разницею против прежнего времени, что возбуждало уже не холодное согласие, а скорее досаду. Наконец, несколько лет назад, начали

появляться какие-то темные сомнения в безусловной непогрешительности главного дела Петра – преобразования России. Говорили, что здание этого преобразования было построено без фундамента, ибо начато было сверху, а не снизу, что оно состояло в одних внешних формах и, не привив к нам истинного европеизма, только исказило нашу народность и обрезало крылья национальному гению{31}. Далее, в нашей статье, мы коснемся этих возражений, как ни поверхностны и ни пусты они в своей сущности; но теперь скажем только, что в минуту их появления в печати они многим понравились и обратили на себя общее внимание{32}. Одни как будто увидели в них собственное мнение, до того самим им неясное; другие, не соглашаясь с ними, все-таки увидели в них не общие фразы и надутые возгласы, а самостоятельное и притом новое мнение, и некоторые даже удостоили их энергических, хотя и косвенно сделанных возражений. Итак, сомнение, вместо того чтобы охладить к Петру, только усилило общий интерес к нему, как великому историческому явлению, заставило всех больше и

думать, и говорить, и писать о нем. Но время скоро решило вопрос и неосновательность сомнений: теперь уже только люди, живущие задним числом, могут не шутя упрекать Петра, зачем он начал свое преобразование сверху, а не снизу, с вельмож, а не с мужиков, зачем придавал большую важность формам — одежде, бородобритию и пр., зачем построил Петербург и т. п.* Итак, сомнение не принесло никакого вреда, а только принесло пользу, ибо, проявившись, уничтожило себя самим же собою и повело к другому сомнению, более основательному, которое, в свою очередь, минет и уступит место если еще не истине, то третьему сомнению, которое приведет уже к истине. Теперь вопрос о Петре перешел в явное противоречие: многие, почитая преобразования Петра столько же необходимым, сколько и великим, благоговей перед памятью преобразователя, в то же время уничтожают, сами того не замечая, всю великость его дела, отрицая европеизм и усиливаясь не только отстоять и оправдать историческое развитие и народность, уничтоженные Петром, но и противопоставить и даже возвели-

читать их пред европеизмом. Как ни странно это противоречие, но оно есть уже шаг вперед и выше прежнего утвердительного сомнения, хотя и вышло прямо из него: лучше явно противоречить себе и тем как бы невольно признавать власть истины, нежели, ради любимого и одностороннего убеждения, отвергать и прямо закрывать глаза на фактическую достоверность противоречащих доказательств.

Противоречие, о котором мы говорим, чрезвычайно важно: в его примирении заключается истинное понятие о Петре Великом. Одно уже это указывает на разумность этого противоречия. Решение задачи состоит в том, чтобы показать и доказать: 1) что хотя народность и тесно соединена с историческим развитием и общественными формами народа, но что то и другое совсем не одно и то же; 2) что преобразование Петра Великого и введенный им европеизм несколько не изменили и не могли изменить нашей народности, но только оживили ее духом новой и богатейшей жизни и дали ей необъятную сферу для проявления и деятельности.

В русском языке находятся в обороте два

слова, выражающие одинаковое значение: одно коренное русское – *народность*, другое латинское, взятое нами из французского – *национальность*. Но мы крепко убеждены, что ни в одном языке не может существовать двух слов, до того тождественных в значении, чтобы одно другое могло совершенно заменить и, следовательно, одно другое делать совершенно лишним. Тем менее возможно, чтобы в языке удержалось иностранное слово, когда есть свое, совершенно выражающее то же самое понятие: в их значении непременно должен быть оттенок, если не разница большая. Так и слова *народность* и *национальность* только сходственны по своему значению, но отнюдь не тождественны, и между ними есть не только оттенок, но и большое различие. «Народность» относится к «национальности», как видовое, низшее понятие к родовому, высшему, более общему понятию. Под *народом* более разумеется низший слой государства: *нация* выражает собою понятие о совокупности всех сословий государства. В *народе* еще нет нации, но в нации есть и народ. Песня Кирши Данилова есть произведе-

ние народное: стихотворение Пушкина есть произведение национальное: первая доступна и высшим (образованнейшим) классам общества, но второе доступно *только* высшим (образованнейшим) классам общества и не доступно разумению народа, в тесном и собственном значении этого слова. Образованный вельможа нашего времени понимает и речи, и дела, и образ жизни своего брадатого предка времен допетровых; но если бы его предок встал из могилы, – он не понял бы ничего в жизни своего обритого потомка. Всякий образованный человек нашего времени, как ни удален он формами и даже сущностью своей жизни от народа, – хорошо понимает мужика, не унижаясь до него, но мужик может понимать его или возвысившись до него, или когда тот унижится до его понятия. Между тем иностранец, не в России родившийся и воспитывавшийся, не поймет русского мужика, хотя бы и столько знал русский язык, что был бы в состоянии составить себе имя в русской литературе. Следовательно: между нашим прошедшим и нашим настоящим, между вельможею в охабне и с окладистой боро-

дою и вельможею во фраке и с выбритым подбородком, между мужиком, мещанином и брадытым купцом и между так называемым *барином* (в смысле европейски образованного человека) есть нечто *общее*. Но это общее есть совсем не *народность*, а *национальность*; последняя свободно понимает первую (ибо, как высшее, заключает ее в себе), но, чтоб говорить понятным языком с первой, должна наклоняться до нее{33}. Полное владычество народности необходимо предполагает в государстве состояние естественной непосредственности, состояние патриархальности, когда различие в сословиях заключается даже и не в формах, а только в оттенках форм, но уже нисколько не в сущности. В таком состоянии была Россия до Петра Великого. Прочтите Кошихина, – и вы увидите, что, как женился последний деревенский мужик, так женился и первый боярин: разница заключалась в обилии яств, в ценности платья, словом, в важности и количестве издержек. Один и тот же кнут тяготел и над мужиком и над боярином, и для обоих их он был несчастьем, а не бесчестием. Холоп легко понимал своего боярина,

не усиливаясь подняться ни на волос своими понятиями; боярин понимал своего холопа, не имея нужды приноравливаться к его разумению. Та же горелка веселила сердце того и другого: разница была в том, что один пил полугар, а другой – чистый пенник. Один и тот же мед был услаждением для того и другого: разница состояла в том, что один пил его из деревянного стакана или железного ковша, а другой из серебряной или золотой стопы. И вдруг все так быстро и так круто переменялось волею Петра; как мало понимал русский простолудин слова: *виктория, ранг, армия, генерал-аншеф, адмирал, гофмаршал* и пр., – так мало понимал он и язык и дела не только своего государя или вельмож, но и всякого армейского офицера с его *гонором, его менуэтом, его рейтузами* и прочим. Высшее по-прежнему понимало низшее, но низшее перестало понимать высшее. Народ отделился от бар и солдат. Но в государственном смысле народа уже не было – была нация. Иностранное слово это сделалось необходимо и бессознательно вошло в общее употребление и получило право гражданства в словаре русского

языка.

Сущность всякой национальности состоит в ее *субстанции*. Субстанция есть непреходимое и вечное в духе народа, которое, само не изменяясь, выдерживает все изменения, целостно и невредимо проходит чрез все фазисы исторического развития. Это зерно, в котором заключается всякая возможность будущего развития. Смотря на желудь, мы знаем не то, что из него непременно выйдет огромный столетний дуб, но что из него может выйти огромный вековой дуб, а не яблоня, если он будет посажен, и не срубится прежде времени или не погибнет от других случайных обстоятельств, которые могли бы помешать его свободному развитию. И мы знаем это потому, что в желуде заключается субстанция дуба, то есть возможность его толстого ствола, широких листьев и других признаков, свойственных его форме. Смотря на грудного ребенка, мы знаем, что из него может сделаться со временем не только кипящий избытком физических и духовных сил юноша, но и дряхлый, седовласый старец, и даже не просто взрослый, но и гениальный чело-

век. Ибо в младенце, в сокровенных тайниках самого его организма, заключается уже его субстанция, то есть возможность всего того, чем он может быть впоследствии, чем он назначен природою быть со временем. Хорошим солдатом или хорошим офицером может быть почти всякий; но великим полководцем может быть только тот, в чьей субстанции от рождения лежала возможность быть великим полководцем. В субстанции заключается причина, почему один может быть великим поэтом и не может быть даже посредственным математиком, а другой в состоянии изобрести паровые машины и не в состоянии сварить себе горшка щей или зашить дыру на платье. Каждый народ имеет свою субстанцию, как и каждый человек, и в субстанции народа заключается вся его история и его различие от других народов. Субстанция римлян была совсем другая, чем субстанция греков, и потому римляне – по преимуществу народ гражданского права и не созерцательный, а чисто практический народ, а греки по преимуществу народ деятельно-созерцательный и артистический. Как бывают гениальные

субстанции у отдельных личностей, так и некоторые народы возникают с великими субстанциями и относятся к другим народам, как гении к обыкновенным людям.

Народность, как мы уже показали выше, предполагает что-то неподвижное, раз навсегда установившееся, не идущее вперед; показывает собою только то, что есть в народе налицо, в настоящем его положении. Национальность, напротив, заключает в себе не только то, что было и есть, но что будет или может быть. В своем развитии национальность сближает самые противоположные явления, которых, по-видимому, нельзя было ни предвидеть, ни предсказать. Народность есть первый момент национальности, первое ее проявление. Но из сего отнюдь не следует, чтобы там, где есть народность, не было национальности: напротив, общество есть всегда *нация*, еще и будучи только *народом*, но нация в возможности, а не в действительности, как младенец есть взрослый человек в возможности, а не в действительности: ибо национальность и субстанция народа есть одной то же {34}, а всякая субстанция, еще и не

получивши своего определения, носит в себе его возможность.

Итак, Россия до Петра Великого была только народом и стала нацией, вследствие толчка, данного ей ее преобразователем. Из ничего не бывает ничего, и великий человек не творит своего, но только дает действительное существование тому, что прежде него существовало в возможности. Что все усилия Петра были направлены против русской народности{35} – это ясно, как день божий; но чтобы он стремился уничтожить наш субстанциальный дух, нашу национальность – подобная мысль более чем неосновательна: она просто нелепа. Правда, если бывают народы с великими субстанциями, то бывают народы и с ничтожными субстанциями, и если первые неизменимы и не подвластны воле одного человека, как бы ни был он могуществен, то вторые могут уничтожаться даже от случайностей, даже сами собою, не только волею гения; но зато из этих вторых никакой гений ничего и сделать не может: лучшее, что можно сделать из свекловицы, – это голову сахару; но только из граниту, мрамору и бронзы

можно создать вековечный памятник. Если бы русский народ не заключал в духе своем зерна богатой жизни, – реформа Петра только убила бы его насмерть и обессилила, а не оживила и не укрепила бы новою жизнью и новыми силами. Мы уже не говорим о том, что из ничтожного духом народа и не мог бы выйти такой исполин, как Петр: только в таком народе мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ. Если бы у нас и не было ни одного великого человека, кроме Петра, и тогда бы мы имели право смотреть на себя с уважением и гордостью, не стыдиться нашего прошедшего и смело, с надеждою смотреть на наше будущее...

Отчего у одного народа такая субстанция, у другого иная, – это почти так же невозможно решить, как и если бы дело шло об отдельном человеке. Если принять гипотезу, что народы образовались из семейств, – то первую причину их субстанции должно положить кровь и породу (race), Внешние обстоятельства, историческое развитие также имеют влияние на субстанцию народа, хотя, в свою очередь, и

сами зависят от нее. Но нет ни одной причины, на которую бы так смело можно было указать, как на климат и географическое положение страны, занимаемой народом. Все южные народы резко отличаются от северных: ум первых живее, легче, яснее, чувство восприимчивее, страсти воспламеняемее; ум вторых медленнее, но основательнее, чувство спокойнее, но глубже, страсти воспламеняются труднее, но действуют тяжелее. В южных народах преобладает непосредственное чувство, в северных – дума и размышление; в первых больше подвижности, во вторых больше деятельности. В последнее время Север далеко оставил за собою Юг в успехах искусства, науки и цивилизации. Есть большое различие между народами горными и народами долинными, между народами приморскими, или островитянами, и между народами, отдаленными от моря, И это различие не внешнее, но внутреннее; оно замечается в самом духе, а не в одних формах. Взглянем в этом отношении на Россию. Колыбель ее была не в Киеве, но в Новгороде, из которого, через Владимир, перешла она в Москву. Суро-

вое небо увидели ее младенческие очи, разгульные вьюги пели ей колыбельные песни, и жестокие морозы закалили ее тело здоровьем и крепостию. Когда вы едете зимою на лихой тройке и снег трещит под полозьями ваших саней, морозное небо усеяно мириадами звезд и взор ваш с тоскою теряется на необъятной снежной равнине, осеребренной уединенным скитальцем-месяцем, местами прерываемой покрытыми инеем деревьями, – как понятна покажется вам протяжная, заунывная песня вашего ямщика, и как будет гармонировать с нею однообразный звон колокольчика, *надрывающий сердце*, по выражению Пушкина!{36} Грусть есть общий мотив нашей поэзии – и народной и художественной. Русский человек в старину не умел шутить забавно и весело, он шутил или плоско, или саркастически, и лучшие народные песни наши – грустного содержания, протяжного и заунывного напева. Нигде Пушкин не действует на русскую душу с такою неотразимою силою, как там, где поэзия его проникается грустию, и нигде он столько не национален, как в грустных звуках своей поэзии. Вот что

говорит он сам о грусти, как основном элементе русской поэзии:

*Фигурно иль буквально: всей семье,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская. Известная примета!
Начав за здравие, за упокой
Сведем как раз. Печалию согрета
Гармония и наших муз и дев.
Но нравится их жалобный напев
{37}.*

Но эта грусть – не болезнь слабой души, не дряблость немощного духа; нет, эта грусть могучая, бесконечная, грусть природы великой, благородной. Русский человек упивается грустью, но не падает под ее бременем, и никому не свойственны до такой степени быстрые переходы от самой томительной, надрывающей душу грусти к самой бешеной, иступленной веселости! И в этом случае поэзия Пушкина великий факт: нельзя довольно удивиться ее быстрым переходам в «Онегине» от этой глубокой грусти, источник которой есть бес-

конечное духа, к этой бодрой и могучей веселости, источник которой есть крепость и здоровость духа.

Итак, вот уже мы и нашли общее, которое связывает нашу народную поэзию с нашею художественною, национальною поэзию. Следовательно, родовое, субстанциональное начало в нас не подавлено реформою Петра, но только получило через нее высшее развитие и высшую форму. И в самом деле, разве со времен Петра пространство России сузилось, а не расширилось, разве степи наши не так же просторны и раздольны, снега, их покрывающие, не так же белы и не так же серебрят их унылый свет месяца?.. Какие хорошие свойства русского человека, отличающие его не только от иноплеменников, но и от других славянских племен, даже находящихся с ним под одним скипетром? – Бодрость, смелость, находчивость, сметливость, переимчивость – на обухе рожь молотит, зерна не обронит, нуждою учится калачи есть, – молодечество, разгул, удальство, – и в горе и в радости море по колено! Но разве европеизм может изгладить эти коренные, субстанциальные свой-

ства русского народа? Разве образованный русский человек теперь не так же, как и прежде, *размашист* и в горе и в радости и не родной брат тому, который некогда, приложив руку к уху, певал богатырским голосом на весь божий мир:

*Высота ли, высота поднебесная,
Глубота ли, глубота океан-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты днепровские{38}.*

Смешно думать, что европеизм есть какой-то уровень, все сравнивающий, сглаживающий, подводящий под один цвет. Англичанин, француз, немец, голландец, швейцарец – все они равно европейцы, во всех них есть много общего, но национальные различия их непримиримо резки, и никогда не изгладятся: для этого нужно было бы сперва уничтожить их историю, изменить природу их стран, переродить самую кровь их.

Национальность нельзя характеризовать и в целой книге, не только в журнальной статье, особенно национальность народа, который недавно начал жить и еще весь погружен в своем настоящем. Национальность

есть совокупность всех духовных сил народа: плод национальности народа есть его история. И потому мы не беремся высказать полно и удовлетворительно, в чем именно заключается русская национальность – довольно с нас и намекнуть на это. Но мы, не обинуясь, можем сказать, что национальность состоит не в лаптях, не в армяках, не в сарафанах, не в сивухе, не в бородах, не в курных и нечистых избах, не в безграмотности и невежестве, не в лихоимстве в судах, не в лени ума{39}. Это не признаки даже и народности, а скорее наросты на ней – следствие испорченности в крови, остроты в соках. И все это было в России до Петра Великого, и со всем этим, как с двенадцатиглавою гидрою, боролся наш божественный Иракл{40} и одолел ее неотразимую палицею своего мощного гения. Говорить правду (особенно – которую все хорошо понимают и чувствуют) и оскорблять – не всегда одно и то же. Пусть боится правды глупый и пьяный; но умному не беда сознаться, что и он делывал промахи на своем веку, а трезвому, что и он бывал навеселе от вина. Национальная гордость есть чувство высокое

и благородное, залог истинного достоинства; но национальное хвастовство и щекотливость есть чувство чисто китайское. Отрицание или унижение субстанции народа, национальности в истинном значении этого слова, есть оскорбление народа (lesenation); но нападки (даже преувеличенные) на недостатки и пороки народности есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм. Что я люблю всем сердцем, всею душою, всем существом моим, к тому я не могу быть равнодушен, в том я сильнее, чем в другом, люблю хорошее и (по тому же закону) сильнее ненавижу дурное. Наши квасные патриоты с особенною любовью имеют привычку указывать на англичан, которые любят отпускать национальные фарсы и до сих пор оставляют существовать некоторые варварские и нелепые обычаи дикой и невежественной старины, от набитого шерстью мешка, на котором сидит президент палаты, до права продавать на рынке жену свою{41}. Эти господа (т. е. квасные патриоты) любят подобными ссылками делать упреки равнодушию, с которым мы, русские, расстаемся с преданиями нашей

длиннополой старины, и охотности, с которою мы принимаем и усвоиваем все новое. Что до меня, — каюсь в грехе: я вижу в этом хорошую черту нашей национальности, залог нашего будущего величия и уж, разумеется, не унижения, а превосходства над англичанами, которые, впрочем, во всем другом великая нация, но только в этом не могут и не должны быть для нас примером, а сделали б лучше, если б нам подражали. Да, это великая черта русского народа: она показывает, что мы имеем способность и желание безусловно отрешаться от всего дурного; что же до хорошего, которое составляет основу и сущность нашего национального духа, — оно вечно, непреходяще, и мы не могли бы от него отрешиться, если б и захотели. Но мы более, нежели кто-либо другой, имеем возможность и право не стыдиться наших национальных недостатков и пороков и громко говорить о них. Национальные пороки бывают двух родов: одни выходят из субстанциального духа, как, например, политическое своекорыстие и эгоизм англичан; религиозный фанатизм и изуверство испанцев; мстительность и склон-

ный к хитрости и коварству характер итальянцев; другие бывают следствием несчастного исторического развития и разных внешних и случайных обстоятельств, как, например, политическое ничтожество итальянских народов. И потому одни национальные пороки можно назвать *субстанциальными*, другие – *прививными*. Мы далеки от того, чтобы думать, что наша национальность была верх совершенства: под солнцем нет ничего совершенного; всякое достоинство условливает собою и какой-нибудь недостаток. Всякая индивидуальность уже по тому самому есть ограничение, что она индивидуальность; всякий же народ – индивидуальность, подобная отдельному человеку. С нас довольно и того, что наши национальные недостатки не могут нас унизить перед благороднейшими нациями в человечестве. Что же до прививных, – чем громче будем мы о них говорить, тем больше покажем уважения к своему достоинству; чем с большею энергией) будем их преследовать, тем больше будем способствовать всякому преуспеянию в благе и истине. Внутренний порок есть болезнь, с которою родит-

ся нация, – отвержение которой иногда может стоить жизни; прививной порок есть нарост, который, будучи срезан, хотя бы и не без боли, искусною рукою оператора, ничего не лишает тело, а только освобождает его от безобразия и страдания. Недостатки нашей народности вышли не из духа и крови нации, но из неблагоприятного исторического развития. Варварские тевтонские племена, нахлынув на Европу бурным потоком, имели счастье столкнуться лицом к лицу с классическим гением Греции и Рима – с этими благородными почвами, на которых выросло широколиственное, величественное древо европеизма. Дряхлый, изнеможенный Рим, передав им истинную веру, впоследствии времени передал им и свое гражданское право; познакомив их с Вергилием, Горацием и Тацитом, он познакомил их с Гомером, и с трагиками, и с Плутархом, и с Аристотелем. Разделяясь на множество племен, они как будто столпились на пространстве, недостаточном для их многолюдства, и беспрестанно, так сказать, ударялись друг о друга, как сталь о кремень, чтобы извлекать из себя искры выс-

шей жизни. Жизнь России, напротив, началась изолированно, в пустыне, (чуждой) всякого человеческого и общественного развития. Первоначальные племена, из которых впоследствии сложилась масса ее народонаселения, занимая одинаково долинные страны, похожие на однообразные степи, не заключали в себе никаких резких различий и не могли действовать друг на друга в пользу развития гражданственности. Богемия и Польша могли бы ввести Россию в соотношения с Европою и сами по себе быть полезны ей, как племена характерные; во их навсегда разделила с Россиею враждебная разность вероисповеданий. Следовательно, от Запада она была отрезана в самом начале; а Византия, в отношении к цивилизации, могла подарить ее только обыкновением чернить зубы, белить лица и выкалывать глаза врагам и преступникам. Княжества враждовали между собою, но в этой вражде не было никакого разумного начала, и потому из нее не вышло никаких хороших результатов. Удивительно ли после этого, что история удельных междоусобий так безмысленна и скучна, что ей не

могло придать никакого интереса даже и красноречивое повествование Карамзина? Нахлынули татары и спаяли разрозненные члены России ее же кровью. В этом состояла великая польза татарского двухвекового ига, но сколько же сделало оно и зла России, сколько *привило* ей пороков! Затворничество женщин, рабство в понятиях и чувствах, кнут, привычка зарывать в землю деньги и ходить в лохмотьях, боясь обнаружиться богачом, лихоимство в деле правосудия, азиатизм в образе жизни, лень ума, невежество, презрение к себе, – словом, все то, что искоренял Петр Великий, что было в России прямо противоположно европеизму, – все это было не наше родное, но *привитое* к нам татарами. Самая нетерпимость русских к иностранцам вообще была следствием татарского ига, а совсем не религиозного фанатизма: татарин огадил в понятии русского всякого, кто не был русским, – и слово *басурман* от татар перешло и на немцев.

Что самые важнейшие недостатки нашей народности не суть наши существенные, кровные, но прививные недостатки, – лучшее

доказательство то, что мы имеем полную возможность освободиться от них, и уже начинаем освобождаться. Обратим внимание на язву нашей народности – лихоимство. Конечно, грустное зрелище представляет собою дурно образовавшаяся общественность, истребляющая и подавляющая даже в своих благороднейших членах их личную человеческую доблесть тем, что ставит их в необходимость или быть выскочками, оскорбляющими всё общество, или, с пользой самим себе, без нарушения совести, как бы законно и только что не формально, кривить весами правосудия и расхищать государственные сокровища, вверенные их хранению и соблюдению. В Китае это называется «иметь выгодное место», и там всякий мандарин без зазрения совести говорит в обществе, что он «служит прибыльно», и, как основной догмат нравственности, завещает сыну прежде всего быть хорошим мужем и отцом, чтобы не пустить семейства по миру и не унижить своего чина и звания, а всем молодым людям пуще всего советует —

*Учились бы, как делали отцы,
На старших глядя{42}.*

Но что касается до нас, мы еще не имеем причины отчаиваться в этом пороке. В гнилом обществе нет выскочек, нет противоречия и противодействия общей испорченности: в Китае все взяточники, и человека, который вздумал бы восставать против лихоимства и подкреплять свое восстание безукоризненным поведением, сочли бы дураком и засадили бы на цепь в сумасшедший дом, но, к счастью мандаринов и моралистов, там и нет таких дураков, но всё одни умные и благонамеренные люди. У нас, напротив, благодаря преобразованиям Петра, не замедлила явиться оппозиция общему злу. К чести нашей литературы, – в ней в первой возникла эта благородная, благодетельная оппозиция. Муза Сумарокова объявила непримиримую войну подьячим и клеймила лихоимство и казнокрадство печатню позора и отвержения. Заметим мимоходом, что, в этом отношении, литературное направление Сумарокова было, так сказать, *жизненнее* чисто риторического направления Ломоносова, – и вот причина, почему бездарный Сумароков был любимее, а даровитый Ломоносов – только уважаемее

публикою своего времени{43}. «Ябеда» Капниста была сильным ударом ябеде. Нахимов составил себе громкое имя в литературе своего времени постоянным вдохновением против кривосудия. Хотя остроумие Фонвизина было устремлено преимущественно против невежества, но мимоходом доставалось от пего порядком и сутяжничеству. В наше время «Ревизор» Гоголя явился истинным бичом этого порока, который, благодаря успехам просвещения и благотворным усилиям правительства, уже прячется в норы и только оттуда осмеливается, и то украдкою, высовывать свою неблагообразную и непристойную физиономию. Говоря о заслугах литературы святому делу преследования лихоимства бичом сатиры, нельзя не упомянуть и о Грибоедове: хотя его бессмертная комедия устремлена и не прямо против этой гидры стоголавой, но горящие клейма наложил он на ее бесстыдные лбы стихами, подобными следующим:

*Как будешь представлять к крест
тишку иль местечку —
Ну, как не порадеть родному че-
ловечку!{44}*

И благородные усилия литературы не остались тщетными: общество отозвалось на них. Замечательно, что даже посредственные сочинения в этом духе и направлении всегда принимались нашею публикою с особенным восторгом, вместо того чтобы оскорблять ее. Наконец стали появляться люди, которые, уже не боясь прослыть за людей *беспокойных* и *опасных* и не стыдясь названия глупцов, гордецов, выскочек и мечтателей, говорят вслух, что скорее готовы умереть с голоду, нежели богатеть воровством, – и с голоду не умирают, а если богатеют, то честными средствами. И хотя такие вольнодумцы являются не тысячами, но все-таки число их умножается со дня на день. До времен же Петра Великого их не бывало не только в действительности, но и в фантазии самых пылких людей. Следовательно, – общество наше идет вперед и, не теряя своей национальности, только расстаётся с дурною народностию. И уже близко то время, когда не останется и следов *такой* народности. А с чем можно расстаться, от чего можно отрешиться, – то не в крови, не в духе; то просто дурная привычка, приобре-

тенная в дурном обществе. Только те пороки делают бесчестие нации, которые неистребимы, неисправимы.

Вообще все недостатки и пороки нашей общественности выходят из невежества и непросвещения: и потому свет знания и образованности разгоняет их, как восход солнца ночные туманы. Пороки китайца и персианина слиты с их духом: просвещение сделало бы их только утонченнее, коварнее и развратнее, но не благороднее. Просвещение действует благодетельно только в таком народе, в котором есть зерно жизни. Мы уже представили самый разительный факт, как неопровержимое доказательство, что в русском обществе есть здоровое и плодотворное зерно жизни. Прибавим к этому, что много можно надеяться от народа, который, после нарвского сражения, дал полтавскую и бородинскую битву, потряс турецкую империю{45} и, как сказал его великий поэт, «повалил в бездну кумир, тяготеющий над царствами, и кровью своею искупил ч свободу, честь и спокойствие Европы»...{46} Едва пробудившись к жизни, он громом побед возвестил Европе о

своём пробуждении; едва примкнувшись к Европе, он уже решил её великое дело, дал ответ на мудреный вопрос...

Мы высказали наше задушевное мнение о вопросе щекотливом со всею искренностью и прямою свободною убеждения, и готовы так же ответить на всякое возражение, сделанное нам с такою же искренностью и прямою. Не только не уклоняемся от спора, но вызываем его ради большего уяснения столь близкой к сердцу всякого русского истины. Наше убеждение равно далеко и от мертвого космополитизма и от квасного патриотизма, — и такое убеждение смело может быть высказываемо в стране, где преследуется не свобода, а своеволие мысли. После этого мы можем прямее приступить к причинам, делавшим необходимою и коренною реформу Петра, не боясь быть ложно понятыми и ложно истолкованными.

В предыдущей статье мы говорили о различии Европы от Азии; теперь мы хотим показать отношение России до Петра Великого к Европе и Азии. По географическому положению своему Россия занимает середину между

этими двумя частями света. Многие заключают из этого, что она и в нравственном отношении занимает эту середину. Подобная мысль нам кажется вдвойне несправедливою: географическая середина не всегда бывает нравственною серединою, а нравственная середина не всегда бывает выгодна. Как угодно, но трудно вообразить себе середину между светом и тьмою, между просвещением и невежеством, между человечностью и варварством; но еще труднее найти такую середину выгодною и прийти от нее в восторг. Серый цвет может быть хорош на произведениях природы, искусства и ремесл; но в духе человеческом серый цвет – цвет отвержения, нравственного унижения. «Кто не за меня, тот против меня»{47} – середины нет. Вследствие татарского ига, кроме религии, в России не было ничего общего с Европою; но она много отличалась от Азии. Находясь под туманным небом, в суровом климате, она не представляла собою той роскоши, той поэзии чувственной, ленивой и сладострастной жизни, которая в Азии так обаятельно соблазнительна и для европейца. Страсти в ней были

тяжелы, но не остры, отуманивали, а не раздражали, больше спали и редко просыпались. Разнообразие страстей в ней было неизвестно, потому что основы общества были однообразны, интересы ограничены. Для азиатца существует наслаждение; он по-своему обожает красоту, по-своему любит роскошь и удобства жизни. Ничего этого не бывало у русских до времен Петра Великого. Красоту у них составляло дородство, «ражесть» тела, молочная белизна и кровяной багрянец лица – *кровь с молоком*, как говаривали наши старики и как теперь говорят наши простолюдины. В самом деле, посмотря на то, что брадатые торговцы нашего времени называют красотой, посмотря на разбеленные и разрумяненные ланиты и черные зубы их очаровательниц, не получишь слишком высокого понятия об эстетическом вкусе наших праотцев. И какая разница между азиатским сатрапом или нашею, который, грабя вверенный его грабительству пашалык, лениво и роскошно упивается всеми обаяниями чувственности в своем гареме – этом земном раю, обещанном ему на небе Мухаммедом, в кругу со-

блзнительных одалык – этих земных гурий и пери, под немолчный говор фонтанов, в сладостном дыму аравийских курений, – какая разница между ним и древним русским боярином, который тоже был послан на кормление, то есть на грабление какой-нибудь провинции{48}, который много и безвкусно ел за обедом, еще больше пил, а после обеда спал богатырским сном; по субботам наслаждался банею, паримый вениками в адском жару, в случае нездоровья выпивал на полке пенничку с перечком, а после бросался в сугроб снегу; для которого, после еды, питья и бани, величайшее наслаждение было – охота с соколами, ломка с медведями или разделка с холопями!.. На Востоке есть понятие о вдохновении и творчестве: там высоко ценится искусство «нанизывать жемчуг на нить описаний» и «рассыпать жемчуг по бархату», то есть писать стихами и прозою. На святой Руси в древности и не слыхивали о таком странном занятии, а если бы и услышали, то назвали б его «пересыпаньем из пустого в порожнее». Какое прозаическое понятие о поэзии! Другое важное отличие русского мира от

азиатского – отсутствие мистицизма и религиозной созерцательности{49}. Наше славянское язычество было так слабо и ничтожно, что не оставило по себе никакой памяти{50}. Великий князь Владимир одним словом мог уничтожить его, и народ без всякого фанатического сопротивления крестился. Правда, несколько голосов закричали было: «Выдубай, боже!»{51}, но это не по языческому религиозному чувству, а по уважению к серебряной бороде и золотым усам Перуна. Вообще, Россия была Азией, только в другом характере, чему причиною было и христианство, формально объявленное Владимиром государственною религиею. Посему наши князья хотя и кололи друг другу глаза, но это было больше следствием влияния византийских обычаев, чем азиатизмом. Русский мужичок и теперь еще полуазиатец, только на свой манер: он любит наслаждение, но полагает его исключительно в «пенном», в еде и лежании на печи. Когда урожай хорош и хлеба у него вдоволь, – он счастлив и спокоен: мысль о прошедшем и будущем не тревожит его, ибо люди в своем естественном состоянии, кроме

утоления голода и других подобных нужд, ни о чем не умеют мыслить. Приходит купец на-нимать его под извоз на ярмарку – куда! наш мужичок ломит с него цену непомерную, да-же говорит с ним неохотно, и гордо остается на своих полатях. Голод – он едет за бездели-цу, чтоб только не есть дома и не кормить ло-шадь домашнею соломою. Вопрос о своем со-стоянии и средствах улучшить и обеспечить его на будущее время, пользуясь благоприят-ными обстоятельствами, урожаем и пр., нико-гда не заходил в его остриженную в кружало и плотно выстриженную на макушке голову. Он пашет, как пахали отцы и деды, не приба-вит ни колушка к сохе[4]. Изба его похожа на хлев, и зимою он радушно разделяет ее с теля-тами, ягнятами, поросятами и курами. И это не всегда от недостатка в средствах (немец с теми средствами, которые имеет свободный русский мужичок, жил бы барином), а от естественного пребывания на лоне мате-ри-природы и от глубокомысленной причи-ны: «Так жили отцы и деды наши, а они были не глупее нас – не хуже нашего умели есть-то». Чудак от всей души верит, что уметь есть

хлеб великая мудрость!.. О правосудии у него свои, совершенно азиатские понятия: «Он на то и алистратор, чтоб взятки брать», говорит наш мужичок о подьячем, и охотно развязывает мошну – лишь бы только дело-то ему сделали. Штрафов платить он не любит и боится их пуще смерти; а за скулы, зубы и хребтовую кожу не стоит – они ведь заживут, а денег – не веротишь. «Ученье свет, а неученье тьма», – говорит ваш мужичо^ но грамоту охотно предоставляет знать за себя дьячку или подьячему. Да и от одних ли мужичков услышите вы заветное: «Отцы наши не хуже нас жили, хоть и неученые были»? – Это говорит и старый подьячий нашего времени, негодующий на то, что книги о запрещениях на имения лишили его возможности добывать хлебец справочками и что «Свод законов» дает возможность знать законы всякому грамотному человеку, даже и не имеющему никакого чина; это же говорит и старый помещик, которого новое время застало врасплох в отъезде поле, с арапником в руках, и которому страх не хочется ни пахать землю по новым теориям, ни везти детей в столицу для образо-

вания.

Возвращаясь к прошедшему России, сокрушенному железною волею царя-исполина, мы видим перед собою картину грустную, раздирающую душу. Быт того времени, изображенный Кошихиным, невольно заставляет содрогаться сердце, которое тем радостнее, торжественнее и выше бьется при мысли о посланнике божием, искупившем кровавым потом царственного чела своего тяготу и унижение темной години России. Бессилие при силе, бедность при огромных средствах, безмыслие при уме природном, тупость при смышленности природной, унижение и позор человеческого достоинства и в обычаях, и в условиях жизни, и в судопроизводстве, и в кознях, и притом унижение человеческого достоинства при христианской религии: вот первое, что бросается в глаза при взгляде на общественный и семейный быт России до Петра Великого. Дух народный всегда был велик и могущ: это доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение татарского ига, и завоевание темного Казанского царства, и

возрождение России, подобно фениксу, из собственного пепла в годину междуцарствия, когда, подобно восходящему солнцу, прогоняющему призраки ночи и предрассветную мглу, на престол, по единодушному избранию народа, взошел благословенный дом Романовых, даровавший России Петра Великого{52} и целый ряд знаменитых и славных властителей, возвеличивших и облагоденствовавших вверенный богом попечению их народ. Это же доказывает и обилие в таких характерах и умах государственных и ратных, каковы были – Александр Невский, Иоанн Калита, Симеон Гордый, Димитрий Донской, Иоанн III, Иоанн Грозный, Андрей Курбский, Воротынский, Шеин, Годунов, Басманов, Скопин-Шуйский, князь Дмитрий Пожарский, мещанин Минин, святители – Алексей, Филипп, Гермоген, келарь Авраамий Палицын... Это же доказывают и произведения народной поэзии, запечатленной богатством фантазии, силою выражения, бесконечностью чувства, то бешено веселого, размашистого, то грустного, заунывного, но всегда крепкого могучего, которому тесно и на улице и на площади, которое про-

сит для разгула дремучего леса, раздолья Волги-матушки, широкого поля... Но такова участь даже и великого народа, если враждебная судьба или неблагоприятное историческое развитие лишают его потребной ему сферы и для необъятной силы его духа не дают приличного ей содержания: в минуты испытания, когда малые духом народы падают, он просыпается, как лев, окруженный ловцами, грозно сотрясает свою гриву и ужасным рыканием оледеняет сердца своих врагов; но прошла буря – и он опять погружается в свою дремоту, не извлекая из потрясения никаких благоприятных результатов для своей цивилизации. В самом деле, все великие перевороты и исцывания судьбы только обнаружили великий характер русского народа, но насколько не развили его государственных сил и не дали толчка его цивилизации; тогда как роковой 1812 год, пронесшийся над Россией грозною тучею, напрягший все ее силы, не только не ослабил ее, но еще и укрепил, и был прямою причиною ее нового и высшего благоденствия, ибо открыл новые источники народного богатства, усилил промышлен-

ность, торговлю, просвещение: вот какая разница между одним и тем же народом в его непосредственном, естественном и патриархальном состоянии и в разумном движении его исторического развития! В первом состоянии и великое событие у народа рождается как бы без причины и оканчивается без результатов, – и потому его история лишена всякого общего, разумного интереса; во втором состоянии даже всякое событие имеет разумную причину и разумное следствие и есть шаг вперед, – и его история полна драматического интереса, движения, разнообразия, поэтически интересна, философски поучительна, политически важна. Но народ один и тот же, и Петр не пересоздал его (такого дела, кроме бога, никто бы не мог совершить), а только вывел его из кривых, избитых тропинок на столбовую дорогу всемирно-исторической жизни. Шереметев, Меншиков, Репнин, Долгорукий, Апраксин, Шафиров, Голицын (Михаил), Головин, Головкин, – все эти люди, одаренные такими блестящими талантами, «сии птенцы гнезда Петрова»{53}, по выражению Пушкина, были природные русские и роди-

лись в царствование Алексея Михайловича – в кошихинские времена России. Итак, Петр отрицал и уничтожал в народе не существенное и кровное, но выросшее и привившееся, и тем отверз новые пути в духе народа, до того времени остававшиеся затворенными для принятия новых идей и новых дел. Обвиняющим его в попрании И уничтожении народного духа Петр имел бы полное право ответить: «Не думайте, что пришел нарушить закон или пророков: я не нарушить пришел, но исполнить»...{54}

Читатели наши могли видеть верную картину общественного и семейного быта России – в выписках, сделанных нами в предыдущей статье из книги Кошихина, изданной нашим просвещенным правительством. Они могли видеть, что в России до Петра Великого не было ни торговли, ни промышленности, ни полиции, ни гражданской безопасности, ни разнообразия нужд и потребностей, ни военного устройства, ибо все это было слабо и ничтожно, потому что было не законом, а обычаем. А нравы? – какая грустная картина! Сколько тут азиатского, варварского, татар-

ского! Сколько унижительных для человеческого достоинства обрядов, например, в бракосочетании, и не только простолюдинов, но и высших особ в государстве! Сколько просто-народного и грубого в пирах! Сравните эти тяжелые яденья, это невероятное питье, эти грубые целования, эти частые стуканья лбом о пол, эти валяния по земле, эти китайские церемонии, – сравните их с турнирами средних веков, с европейскими пиршествами XVII столетия... Хороши были наши брадатые рыцари и кавалеры! Да не дурны были и наши бойкие дамы, потягивавшие «горькое»!.. Славное было житье: женились, не зная на ком, ошибившись в выборе, били и мучили жен, чтобы насильно возвысить их до ангельского чину, а не брало это – так отравляли зельями; ели гомерически, пили чуть не ушатами, жен прятали и, только разгоревшись от полусотни перечных кушаний и нескольких ведер вина и меду, вызывали их на поцелуи... Все это столько же нравственно, сколько и эстетично... Но все это опять-таки нисколько не относится к унижению народа ни в нравственном, ни в философском отношении: ибо все это бы-

ло следствием изолированного от Европы исторического развития и следствия влияния татарщины. И, как скоро отворил Петр двери своему народу на свет божий, мало-помалу тьма невежества рассеялась – народ не выродился, не уступил своей родной почвы другому племени, но уже стал не тот и не такой, как был прежде... И потому, господа защитники варварской старины нашей, воля ваша, а Петру Великому мало конной статуи на Исакиевской площади: алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства русского!..

Взглянем ли на боярство со стороны его политического и государственного значения, – то же зрелище, которое на минуту может обмануть своею внешностью, своим именем, но которое, в сущности, совсем не то. Прочтете опять Кошихина – и вы невольно воскликнете: «Так вот та мнимая аристократия, которую наши безусловные поклонники старины мечтают видеть в азиатской боярщине древней России!..» В самом деле, некоторые из этих господ, вообще недовольных реформой Петра Великого, одним из главнейших обви-

нений против него поставляют, будто бы он унизил и уничтожил аристократию, и тем навсегда отстранил всякое уравнивание законности против произвола{55}. Это премудрое обвинение основывают они на пустом, формальном, ни права, ни силы, ни мысли, ни даже особенного смысла не заключавшим в себе выражении: «Царь указал, бояре приговорили»{56}. Напротив, Петр Великий основал у нас нечто вроде аристократии (что приличнее назвать *вельможеством*) и силою заставлял ее противоборствовать самому себе, для чего иногда умышленно уклонялся от справедливости. Так, однажды стал он просить адмиралтейское начальство, чтобы его поместили на открывшуюся тогда вакансию вице-адмирала: ему отказали, заметив, что есть некто старше его по службе, кто имеет большее право на то место. Что же сделал Петр? – Он сказал: «Если бы они были столь раболепны, что из ласкательства предпочли бы меня моему достойному сверстнику, то действительно я заставил бы их горько раскаяться в этом». И вообще, что значит это бессильное, формальное, не на праве и законе, а на обы-

чае основанное «бояре приговорили» – что значит оно в сравнении с противоречиями князя Якова Феодоровича Долгорукова Петру Великому?..{57} Да, Петр Великий основал и создал наше вельможество, которое при Екатерине Великой расцвело таким пышным цветом знатности, могущества, богатства, образованности, просвещения и, прибавим, таланта и достоинства внутреннего. Только азиатские души могут ставить Петру в упрек то, что он придал вельможеству характер бюрократии, сделав его доступным людям низкого происхождения, но высокого духа, людям даровитым и способным. Если бы наше вельможество и могло когда-нибудь превратиться в чистую бюрократию, то в этом Петр несколько не виноват: значит так должно, так нужно быть; значит иначе быть не может; значит нет в вельможестве субстанциальной силы, которая дала бы ему возможность не изменяясь пройти сквозь все изменения гражданского устройства и быта России. Что такое аристократия? – Привилегированное сословие, исторически развившееся, которое, стоя на вершине государства, посредствует между на-

родом и высшею властью, и развивает своим бытом и деятельностью идеальные понятия о личной чести, благородстве, неприкосновенности их прав, из рода в род передает высшую образованность, идеальное изящество в формах жизни. Такова была аристократия в Европе до конца прошлого века, такова и теперь аристократия в Англии. Если в средние века короли могли употреблять во зло свою власть над могучими вассалами, – все-таки они могли лишить их только жизни, но не чести, – отрубить голову, а не бить батогами, плетью или кнутом. И лишить жизни своего вассала король мог не иначе, как по форме судопроизводства и приговору (хотя бы и не всегда справедливому) суда. Понятие о чести, составляющее душу и кровь истинной аристократии, вышло в Европе из того, что все аристократы были сперва сами владельческими особами, а рыцарство еще более придало благородный и человеческий характер их понятиям о чести. Наши бояре тоже были сперва владельческими особами; но, перестав быть государями, тотчас же сделались только почетными слугами: татарское иго, сокру-

шившее феодальную систему, было для наших воображаемых феодалов тем же, чем было рыцарство для феодалов Запада. Невыгодное тождество!.. И потому наш боярин не считал себе за бесчестье не знать грамоты, не иметь ни познаний, ни образования: все это, по старинным понятиям, было приличнее последнему холопу, чем боярину. По этому же самому он считал для себя бесчестьем не розги, не батоги, не плети, не кнут, не застеночную пытку, не тюрьму, – а «место» за царским столом ниже боярина, равного с ним по породе, но не равного по чести своих предков, или высшего заслугами, но низшего родом. По этому же самому наши бояре, по выражению Кошихина, *лаяли* друг друга, а не переводывались оружием по-рыцарски.

Защитники патриархальных нравов против цивилизованных с особенным торжеством ссылаются на непоколебимую верность и беспрекословное повиновение народа высшей власти во времена старой России. Но исторические факты слишком резко противостоят этому убеждению и слишком ясно доказывают старинную истину, что «крайности

сходятся». Мятежи и крамолы стрелецкие еще в малолетстве Петра Великого, беспрестанные покушения на жизнь его даже во время его единодержавия, доказывают, как мало прочны естественные отношения народа к высшей власти, что гораздо прочнее их отношения, проникнутые разумною сознательностью своих обязанностей и прав. Во время народного мятежа по случаю упадка курса денег, вследствие медной монеты, многие держали царя Алексея Михайловича за пуговицы, и «один человек из тех людей с царем бил по рукам»: это больше, чем санкюлотская{58} дерзость, – это грязная и отвратительная животность в понятиях и чувствах.

Защитники нашей патриархальной старины обыкновенно говорят, что и в Европе, во времена варварства, было не лучше, чем у нас. Но во времена ее варварства, а у нас в XVIII веке (до царствования Екатерины Великой) было то, что в Европе было в IV и V веках – были пытки, изуверство, суеверие, но не было кнута, подаренного нам татарами. Но, что всего важнее, – в Европе было развитие жизни, движение идеи; подле яду там росло и

противоядие – за ложным или недостаточным определением общества тотчас же следовало и отрицание этого определения другим, более соответствующим требованию времени определением. И потому-то невольно миришься со всеми ужасами, бывшими в Европе тех времен, миришься с ними за их благородный источник, за их благие результаты. Но Россия была скована цепями неподвижности, дух ее был сперт под толстою ледяною корою и не находил себе исхода.

Некоторые думают, что Россия могла бы сблизиться с Европою без насильственной реформы, без отторжения, хотя бы и временно, от своей народности, но собственным развитием, собственным гением. Это мнение имеет всю внешность истины, и потому блестяще и обольстительно; но внутри пусто, как большой, красивый, но гнилой орех: его опровергает самый опыт, факты истории. Никогда Россия не сталкивалась с Европою так близко, так лицом к лицу, как в эпоху междоцарствия. Димитрий Самозванец, с своею обольстительною Мариною Мнишек, с своими поляками, был не чем иным, как нашествием

немецких обычаев на русские, но главнейшая причина его гибели, кроме дерзости, была та, что он после обеда не спал на лавке, а осматривал публичные работы, ел телятину и по субботам не ходил в баню. Швед Делагарди был другом юному русскому герою Скопину-Шуйскому; но по смерти его *принужден* был сделаться врагом русским{59}. Но есть факт, еще более поразительный: это – Новгород. Прекрасно русское выражение: «новгородская вольница» и странно мнение многих ученых, которые от чистого сердца, то есть не шутя, видели в Новгороде республику{60} и живой член ганзеатического союза. Правда, новгородцы были друзья «немцам», беспрестанно обращались с ними, но немецкие идеи и не коснулись их. Это была не республика, а «вольница», в ней не было свободы гражданской, а была дерзкая вольность холопей, как-то отделившихся от своих господ, – и порабощение Новгорода Иоанном III и Иоанном Грозным было делом, которое оправдывается не только политикою, но и нравственностью. От создания мира не было более бестолковой и карикатурной республики. Она

возникла, как возникает дерзость раба, который видит, что его господин болен изнурительной лихорадкой и уже не в силах справиться с ним, как должно; она исчезла, как исчезает дерзость этого раба, когда его господин выздоравливает. Оба Иоанны понимали это: они не завоевывали, но усмиряли Новгород, как свою взбунтовавшуюся отчину. Усмирение это не стоило им никаких особенных усилий: завоевание Казани было в тысячу раз труднее для Грозного. Нет! была стена, отделявшая Россию от Европы: стену эту мог разрушить только какой-нибудь Сампсон, который и явился Руси в лице ее Петра{61}. Наша история шла иначе, чем история Европы, и наше очеловечение должно было совершиться совсем иначе. Нецивилизованные народы образуются безусловным подражанием цивилизованным. Сама Европа доказывает это: Италия называла остальную Европу варварами, и эти варвары безусловно подражали ей во всем – даже в пороках. Могла ли Россия начинать с начала, когда перед ее глазами был уже конец? Неужели ей нужно было начать, например, военное искусство с той точки, с

которой оно началось в Европе во времена феодализма, когда в нее стреляли из пушек и мортир, а нестройные толпы ее могли поражать стройные ряды, вооруженные штыками, повертывавшиеся по команде одного человека? Смешная мысль! Если же Россия должна была учиться военному искусству, в каком было оно состоянии в Европе XVII века, то должна была учиться и математике, и фортификации, и артиллерийскому и инженерному искусству, и навигации, а если так, – могла ли она приниматься за геометрию не прежде, как арифметика и алгебра уже укоренятся в ней и их изучение окажет полные и равные успехи во всех сословиях народа. Однообразие в одежде для солдат есть не прихоть, а необходимость. Русская одежда не годилась для солдатской униформы, следовательно, необходимо должно было принять европейскую; а как же можно было сделать это с одними солдатами, не победивши отвращения к иностранной одежде в целом народе? И что бы за отдельную нацию в народе представляли собою солдаты, если бы всё прочее ходило с бородами, в балахонах и безобразных сапо-

жищах? Чтобы одеть солдат, нужны были фабрики (а их, благодаря патриархальности диких нравов, не было): неужели же для этого надо было ожидать свободного и естественного развития промышленности? При солдатах нужны офицеры (кажется, так, господа старообрядцы и антиевропейцы?), а офицеры должны быть из высшего сословия против того, из которого набирались солдаты, и на их мундиры нужно было сукно потоньше солдатского: так неужели же это сукно следовало покупать у иностранцев, платя за него русскими деньгами, или дожидаться, пока (лет в 50) фабрики солдатского сукна придут в совершенство и из них разовьются тонкосуконные фабрики? Что за нелепости! Нет: в России надо было начинать все вдруг, и высшее предпочитать низшему: фабрики солдатского сукна фабрикам мужицко-сермяжного сукна, академию – уездным училищам, корабли – баркам. Мало основать уездное училище – надо было дать им учителей, которых всего лучше могла образовывать академия; надо было составить учебные руководства, что опять могла сделать только академия. Что ни гово-

рите о бедности нашей литературы и ничтожности нашей книжной торговли, – однако иные книги у нас раскупаются же, и иные книгопродавцы одними периодическими изданиями имели же в ежегодном обороте по 250 000 рублей. А отчего это произошло? – Оттого, что наша великая императрица, наша матушка Екатерина II, заботилась о создании литературы и публики, заставила читать двор, от которого мало-помалу охота к чтению перешла, через высшее дворянство, к среднему, от него к чиновническому люду, а теперь уже начинает переходить и к купечеству.

Да, у нас все должно было начинаться сверху вниз, а не снизу вверх, ибо в то время, как мы почувствовали необходимость сдвинуться с места, на котором дремали столько веков, мы уже увидели себя на высоте, которую другие взяли приступом. Разумеется, на этой высоте увидел себя не народ (в таком случае ему не для чего было бы и подыматься), а правительство, и то в лице только одного человека – царя своего. Петру некогда было медлить: ибо дело шло уже и не о будущем величии Рос-

сии, а о спасении ее в настоящем. Петр явился вовремя: опоздай он четвертью века, и тогда – *спасай, или спасайся кто может!*.. Провидение знает, когда послать на землю человека. Вспомните, в каком тогда состоянии были европейские государства, в отношении к общественной, промышленной, административной и военной силе, и в каком состоянии была тогда Россия во всех этих отношениях! Мы так избалованы нашим могуществом, так оглушены громом наших побед, так привыкли видеть стройные громады наших войск, что забываем, что всему этому только 132 года (считая от победы под Лесным – первой великой победы, одержанной русскими регулярными войсками над шведами){62}. Мы как будто всё думаем, что это было у нас искони веков, а не с Петра Великого. Мы уже забыли и то, что при Петре Великом у России явился опасный сосед – Карл XII, которому нужны были и люди и деньги и который умел бы распорядиться и тем и другим, следуя русской пословице: «Даровому коню в зубы не смотрят». Любовь к отечеству, могущество народного духа и богатство в материальных сред-

ствах – действительно сильные орудия. Но воскресите вы героев Термопил, Марафона, Платеи, воинов Лакедемона, фаланги македонян, когорты Рима, составьте из всех их одно войско, сделайте Мильтиада, Фемистокла, Кимона, Аристиды, Перикла, Фабия, Камилла, Сципиона, Мария начальниками отрядов, а в главнокомандующие дайте им Александра Македонского и Юлия Цезаря: это ужасное войско исполинов не устоит против пяти полков нашего времени под командою не Наполеона, а хоть кого-нибудь из его генералов. Сила соломой ломит, говорит пословица, а ум, вооруженный наукою, искусством и вековым развитием жизни, ломит и силу, прибавим мы от себя. Нет, без Петра Великого для России не было никакой возможности естественного сближения с Европою, ибо в ней не было живого зерна развития, и без Петра долго бы ей быть оригиналом картин, нарисованных Кошихиным и Желябужским. Правда, и без реформы Петра Россия, может быть, сблизилась бы с Европою и приняла бы ее цивилизацию, но точно так же, как Индия с Англиею. Повторяем: Петру некогда было медлить и

выжидать. Как прозорливый кормчий, он во время тишины предузнал ужасную бурю, и велел своему экипажу не щадить ни трудов, ни здоровья, ни жизни, чтобы приготовиться к напору волн, порывам ветра, – и все изготовились, хоть и нехотя, – и настала буря, но хорошо подготовленный корабль легко выдержал ее неистовую силу, – и нашлись недалёковидные, которые стали роптать на кормчего, что он напрасно так беспокоил их. Нельзя ему было сеять – и спокойно ожидать, когда прозябнет, взойдет и созреет брошенное семя: одной рукою бросая семена, другою хотел он тут же и пожинать плоды их, нарушая обычные законы природы и возможности, – и природа отступила для него от своих вечных законов, и возможность стала для него волшебством. Новый Навин, он останавливал солнце в пути его{63}, он у моря отторгал его довременные владения, он из болот вывел чудный город. Он понял, что полумеры никуда не годятся и только портят дело; он понял, что коренные перевероты того, что сделано веками, не могут производиться вполовину, что надо делать или больше, чем можно сделать, или

ничего не делать, и понял, что на первое станет его сил. Перед битвою под Лесным он позади своих войск поставил казаков и калмыков с строгим приказанием убивать без милосердия всякого, кто побежит вспять, даже и его самого, если он это сделает[5]. Так точно поступил он и в войне с невежеством: выстроив против него весь народ свой, он отрезал ему всякий путь к отступлению и бегству. Будь полезен государству, учись – или умирай: вот что было написано кровью на знамени его борьбы с варварством. И потому, все старое безусловно должно было уступить место новому, все – и платье, и прическа, и борода, и обычаи, и нравы, и дома, и улицы, и служба. Говорят: дело в деле, а не в бороде; но что ж делать, господа, если борода мешала делу – так вон же ее с корнем, если сама не хочет валиться! Нельзя ничего понимать в частности, но все должно видеть в связи с общим. Образ жизни, одежда и самое непостоянство мод у европейцев в тесной связи с их наукою, образованием, администрацией), военной силою и законами. У нас теперь есть люди, которые, нося бороды, читают книги и сами

приобрели себе некоторую образованность; но войдите вы к ним в дом, вникните в их семейные отношения, обращение с людьми своего мира, – вам станет тяжело и грустно, если вы порядочный человек, и внутреннее и внешнее изящество в формах жизни ставите во что-нибудь. Но теперь борода есть только вывеска уважения к преданиям старины, к обычаям сословия; иной не решается ее сбрить, как и есть в первый раз устриц: ему смешно своего страху, а все не решается. Это еще по крайней мере сносно, и больше смешно, чем вредно. Но во времена Петра бороде придавалось невежеством народа какое-то религиозное значение. Она торчала между книгою и глазами, и не давала читать. На бритву смотрели, как на орудие разврата иноземного, безбожия басурманского. По счастливому выражению Марлинского, русский человек держался за бороду обеими руками, как будто она приросла у него к сердцу{64}. Знамя совсем не то же, что полк; но, если знамя утрачено в сражении, полк считается несуществующим, – и потому великая честь отбить у неприятеля знамя. Борода была зна-

менем невежества, – и Петр понял, что за нее-то прежде всего и нужно было взяться.

Некоторые приписывают реформе Петра Великого то вредное следствие, что она поставила народ в странное положение: не привив ему истинного европеизма, только отторгла его от родной сферы и сбила с здравого и крепкого природного смыслу. Несмотря на всю ложность этого мнения, оно имеет основание и по крайней мере достойно опровержения. В самом деле, если реформа развязала, так сказать, душевные силы даровитых людей, подобных Шереметеву, Меншикову и другим, зато из большинства сделала каких-то кривляк и шаркунов. Понятно, что старые бояре, отличавшиеся природным умом, упругим характером, не хотевшие расстаться с своею степенною одеждою и оставить суровые обычаи старины, как какой-нибудь Ромодановский, понятно, с каким чувством глубочайшего презрения смотрели они на этих нововыпеченных и доморощенных европейцев, которые, по непривычке, путались ногами в шпаге, роняли из-под мышки свои кораблики, подходя к дамам к ручке, наступали им на

ноги, как попугаи, употребляли без толку иностранные слова, любезность заменяли грубым и наглым волокитством и – могло быть! – иное платье надевали на себя задом наперед. В другом уже виде, но и теперь еще заметен у нас этот мнимый, искаженный европеизм, эти формы без идеи, эта вежливость без уважения к себе и другим, эта любезность без эстетичности, это франтовство и *львинство* без изящности: знаменитый Иван Александрович Хлестаков, прославленный Гоголем, есть один из типов известного рода *европейцев* нашего времени. Наши галломаны, англومانь, львы, онагры, петиметры, агрономы, комфортисты – так и просятся в комедию Гоголя – кто рассуждать с Анною Андреевною о столичной жизни и обращении с посланниками и министрами, кто рассуждать с почтмейстером Шпекиным и с судьей Ляпкиным-Тяпкиным о политических отношениях Франции и Турции к России. Вследствие же реформы Петра Великого, гениальный ум Ломоносова является в поэзии таким бесплодным и риторическим и, за исключением Крылова, до Пушкина литература наша является

рабски-подражательною, бесцветною и не имеющею никакого интереса для иностранцев. Да, всё это правда, но только за всё это Петра так же нелепо обвинять, как и врача, который, чтобы вылечить человека от горячки, сперва ослабляет и истощает его до последней крайности кровопусканиями, а выздоравливающего мучает строгою диетой. Вопрос не в том, что Петр сделал нас полуевропейцами и полурусскими, а следовательно, и не европейцами и не русскими: вопрос в том, навсегда ли должны мы остаться в этом бесхарактерном состоянии? Если не навсегда, если нам суждено сделаться европейскими русскими и русскими европейцами, – то не упрекать Петра, а удивляться должно нам, как он мог совершить такое неслыханное от начала мира, такое исполинское дело! Итак, вопрос заключается в слове «будем ли», – и мы смело и свободно можем отвечать на него, что не только *будем*, но уже и *становимся* европейскими русскими и русскими европейцами, и становимся со времен царствования Екатерины II, и со дня на день преуспеваем в этом в настоящее время. Мы уж теперь ученики, но

не *сеиды*{65} европеизма, мы уже не хотим быть ни французами, ни англичанами, ни немцами, но хотим быть русскими в европейском духе. Это сознание проникает во все сферы нашей деятельности, и резко высказалось в литературе с появлением Пушкина – таланта великого, самостоятельного, вполне национального. Что же до того, что и теперь не совершился и долго не совершится окончательно великий акт полного проникновения нашей народности европеизмом – это доказывает только то, что Петр в тридцать лет совершил дело, которое дает работу целым векам. Оттого он и исполин между исполинами, гений между гениями, царь между царями. Самому Наполеону есть соперник в древности – Юлий Цезарь: нашему Петру от начала мира до сего дня не было ни соперников, ни образцов; он подобен и равен только самому себе. И его великое дело совершено безусловным принятием форм и слов: форма не всегда идея, но часто ведет за собою и идею; слово не всегда дело, но часто ведет за собою дело. Литература наша началась формою без мысли, вышла не из народного духа, а из чистого под-

ражания, и, однако ж, мы не должны презирать нашей подражательной литературы: без нее мы не имели бы Пушкина. От литературы можно сделать посылку и ко всему прочему. Солдаты Петра Великого не понимали, для чего их учат маршировать и выкидывать артикулы; в этом случае они бессмысленно повиновались отцам-командирам – и что же! – результатом их бессмысленного повиновения и обезьянского передразнивания заморских солдат были – взятие Азова, победы под Лесным и Полтавою, завоевание прибалтийских шведских областей. Первые наши светские люди ужасали своим татаризмом европейские общества, но скоро явились у нас люди, которые могли быть их украшением и удивляли самих парижан своею любезностию и хорошим тоном.

Построение Петербурга тоже ставится многими в упрек его великому основателю. Говорят: на краю огромного государства, на болотах, в ужасном климате, много погублено работников, многие насильно заставлены строиться и пр. Все это не без основания, но вопрос в том: было ли это необходимо, и можно

ли было поступить иначе? Петр должен был оставить Москву – там шипели против него бороды; ему нужно было отвести безопасный приют европеизму, сделать этого гостя семейным, своим человеком, чтобы незаметно и тихо мог он действовать на Россию и быть громовым отводом для невежества и изуверства. Для такого приюта ему нужна была почва совершенно новая, без преданий, где бы его русские очутились совершенно в новой сфере и на могли бы сами собою не измениться в обычаях и привычках жизни. Ему нужно было свести их с иностранцами и связать с ними и службою, и торговлею, и согражданством, поставить их с ними в беспрестанное соприкосновение. Для этого была необходима завоеванная земля, которая могла бы быть отечеством и для иностранцев, которых невозможно было бы в большем числе переманить в Москву, и для русских, которые только вначале неохотно селились там, но потом, увидев там центр правительства, тянулись туда, как железо к магниту. Где же могло быть лучшее для этого место, как не в «отбитом у шведа крае»? А великая идея создать флот и поло-

жить начало заграничной торговле не чрез посредство иностранцев, как в Архангельске, а прямо, собственною деятельностью, и не с одними англичанами, но со всем земным шаром? – Где же лучшее для этого место, как не при четверном устье Невы? Стоит только обратить внимание на важность Кронштадта для Петербурга, чтобы увидеть, как гениальны и непогрешительны соображения Петра Великого. Почему бы ему было не перенести столицу на берега Черного или Азовского моря? Потому, что ему, кроме флота и заграничной торговли, море нужно было и для успехов европеизма от соседства с европейским народом. Азовское или Черное море сблизило бы нас с татарами, калмыками, черкесами и турками, а не с европейцами. Для Одессы важно соседство Турции, в которую она отпускает огромные количества пшеницы; но оно не было бы важно для Петербурга, ибо Одесса только портовой и торговый город, а Петербург еще и столица сверх того. И мысль Петра оправдалась делом: Москва бесспорно имеет свое значение для России, но Петербург истинно европейская столица России, и Москва

только тогда сравнится с ним, когда примет его в себя, Петербург для России – биржа европеизма, из которой европеизм разносится по России. Всякое удобство, всякий шаг к цивилизации делается у нас через Петербург. Он окно и дверь в Европу. Борода в нем не колет глаз только на извозчицких санках или дрожках.

Что касается до жертв, с какими построен Петербург – они искупаются необходимостью и результатом. Петр своими делами писал историю, а не роман; он действовал как царь, а не как семьянин. Вся реформа его была тяжким испытанием для народа, Годиною трудною и грозною. Но когда же и где же великие перевороты совершались тихо и без тяготы для современников?.. Разве легок был для России славный *двенадцатый год*? Но неужели поэтому мы должны бранить его, а не гордиться им?.. Спокойных государств только два в мире – Китай и Япония; но лучшее, что производит первый, это чай, а вторая, кажется – лак: больше о них нечего сказать. Осина ломится и сокрушается ветром; дуб мужает и крепнет в бурях.

*...Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искупленьях долгой кары,
Перетерпел судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат{66}.*

Да, тяжело было народу с печей и полатей своих выйти на такую работу и борьбу. Он не виноват был, что вырос не учась, и взрослому ему не под силу показалось садиться за указку. Но худшее, что было в его положении, – это то, что он не мог понять ни смысла, ни цели, ни пользы перемен, которым подвергала его железная, несокрушимая воля царя-исполина. Здесь мы почитаем приличным выписать, или, лучше сказать, украсить нашу статью выпискою красноречивых строк о Петре Великом одного из русских ученых:[6]

Чего ж недоставало русскому народу? – Преобразования! Его недоставало для XVII века! Явился царь с горящей

мыслию в очах, с отважной Думой на челе и с громоносным словом власти! Он страшный кинул взор на царствующий град, сурово посмотрел на даль прошедшего, и двинул царство от него. Что ж не понравилось ему в наследии предков? Что возмутило Петра в творении его отцов? Но это тайна души великой, глубокая тайна гения! Мы видели только внешнее этого духа, который, как грозное облако, прошел над русскою землею. Мы видели, как он сочувствовал Иоанну Грозному, как благоговел пред кардиналом Ришелье, как не терпел византийского двора, его роскошества и лени, его ханжей и лицемеров. Такое грозное соединение стихий в душе смертного, рожденного повелевать и царствовать! И к этому огненному началу нравственной его жизни присоединилось глубочайшее сознание собственных сил. Посланник неба, самодержавный смертный, решительно рожденный для преобразований! В каком бы он веке ни родился, в каком бы народе ни воспитался, он всегда и везде был бы преобразователем. Это его природа! Если бы он был

современным древнему Язону, его постигла бы участь божественного Иракла. Он был бы слишком тяжел для легкой греческой Армады. Но провидение знало, где произвести на свет необычайного смертного. Только русский корабль мог сдержать такого страшного пассажира! Только русское море могло носить на хребте своем столь отважного мореходца! Только Россия могла не треснуть от этого духа, который напрягал ее, чтоб уравнять ее силы с своею исполинскою мощию! Дивное явление! От сложения мира не бывало такого государя! Говорят, что крутость его ума и воли происходила оттого, что он не получил надлежащего воспитания; но, боже мой, какая наука могла ограничить эту адамантовую душу, какое воспитание могло смягчить эти несокрушимые нервы ума, эти железные мышцы воли? Если природа должна была уступить ему, то что ж могла сделать из него наука? Какой немец мог быть его детоводцем, какой француз учителем? И природа и науки отступились, когда этот великий дух помчал рус-

скую жизнь по открытому морю всемирной истории! Петр Великий не верил слабостям человеческой природы: только на смертном одре почувствовал, что и он смертный: «Из меня можно познать, сколь бедное творение есть человек», – произнес он в смертных страданиях! Таков был Петр Великий! Ему нужно было совершить преобразование. И какое преобразование! От конечностей тела до последнего убежища человеческой мысли! Он бритвой бреет бороды и топором рубит невежество. Тысячи стрелецких голов падают на Преображенском поле! Ни даже крестный ход царствующего града не мог смягчить его правосудия! (стр. 60–61). ...Преобразователь в течение всей своей жизни хранил в себе тайное сознание, что не одно рождение возвело его на престол, но сила высшая призвала его царствовать над народами! Он чувствовал, что не кровь, а дух должен ему предшествовать. Он отверг сына и возжелал оставить по себе достойнейшего. Но великий человек не приобщился нашим слабостям! Он не знал, что мы и

кровь и плоть. Он был велик и силен, а мы родились и малы и худы, нам нужны были общие уставы человечества! Петру Великому не нравилось наше древнее государственное устройство. Государева боярская дума должна была уступить место сенату; областные приказы ландратам и ландрихтерам. Ему не нравились и наши целовальники, наши дьяки и подьячие. Он желал бы посадить на их место пленных шведов, секретарей и шрейберов цесарской службы. Ему не нравилось прошедшее России. Но все эти перемены ничто в сравнении с преобразованием государственной службы. Сам, начав с солдата гвардии, он прошел медленно по лестнице подчинения и завещал ее своим подданным. А что кормление прежнее, что царский хлеб и соль? В поте лица ели их слуги Петра Великого. Нигде он не был так грозен своим правосудием, как против дармоедов, мирских едуч и казнокрадов. Не уважая частной собственности, когда думал об отечестве, за каждую копейку, излишне взятую сборщиком податей или переданную комиссионером

торгашу, он был неумолим для виновного (стр. 61–62).

Да, тут народу было от чего призадуматься, было от чего вспоминать с умилением о простодушной старине и поэтизировать ее в эгегических обращениях к новому и старому времени, вроде следующего, которым начинается одна сказка, вероятно, сложенная в ту эпоху.

Соизвольте выслушать, люди добрые, слово вестное, приголубьте речью лебединого словеса немудрые, как в старые годы, прежние, жили люди Старые. А и то-то, родимые, были веки мудрые, веки мудрые, народ все православный, живали старики не по-нашему, не по-нашему, по-заморскому, а по-своему, православному. А житье-то, а житье-то было все привольное да раздольное. Вставали раным раненько, с утренней зарей, умывались ключевой водой, со белой росой, молились всем святым и угодникам, кланялись всем родным от востока до запада; выходили на красен крылец со решеточкой, созывали слуг верных на добры дела.

*Старики суд рядили, молодые слуша-
ли; старики придумывали крепкие ду-
мушки, молодые бывали во посылуш-
ках. Молодые молодицы правили дом-
ком, красные девицы завивали венки на
Семик-день, старые старушки судили,
рядили и сказки сказывали. Бывали ра-
дости великие на велик день, бывали
беды со кручинами на велико сирот-
ство. А что было, то былью поросло, а
что будет, то будет не по-старому, а по-
новому{67}.*

И хорошо! Как красно ни рассказывайте, как сладко ни пойте, а, право, не соблазните нас этим привольным и раздольным житьем. Гулянья, театры, балы и маскарады мы будем предпочитать завиванию венков на Семик-день. Что до раннего вставанья – дело не в том, чтобы раньше встать, а чтоб недаром встать; кому нечего делать, тот хорошо сделает, если подольше поспит. Мы не только не кланяемся родным заочно на все четыре стороны, но и встретившись с ними, если наше родство с ними заключается только в крови, а не в любви и духе. Молодые люди бывают и у нас «во посылочках» у старых, но зато и ста-

рые бывают «во посылочках» у молодых: ибо право начальства принадлежит у нас не старейшему, но достойнейшему, а достоинство мы измеряем не сединою, а умом, талантом и заслугою. На посылках у Суворова бывали не одни молодые офицеры, но и генералы, вдвое старше его летами. Да, мы не можем без улыбки сожаления слушать эти жалобные похвалы доброму старому времени; но мы понимаем, что простодушный народ тогдашний *по своему* был прав. Скажем же ему от всего сердца: *вечная память и царство небесное!* Своими страданиями и тяжким терпением искупил он наше счастье и наше величие. Над гробами исторического кладбища не должно быть ни проклятий, ни непристойного смеха, ни ненависти, ни кощунства, но любовь и грустная, благоговейная дума...

Но такова сила истины, таково непосредственное влияние гения: еще в разгар и самое тяжелое время реформы Петр имел почитателей не только в приверженных к себе людях, но и в тех, которые косо смотрели на его преобразование. Казалось, все, вопреки своему сознанию, признавали необходимость корен-

ной реформы. И не могло быть иначе: Петр явился вовремя. Потребность преобразования сильно обнаружилась еще в царствование Алексея Михайловича, и уничтожение местничества при царе Феодоре Алексеевиче было тоже следствием этой потребности. Но все дело ограничивалось полумерами, не имевшими важных последствий. Нужна была полная, коренная реформа – «от оконечностей тела до последнего убежища человеческой мысли»; {68} а для произведения такой реформы нужен был исполинский гений, каким явился Петр. Полтавская битва не могла не иметь сильного нравственного влияния на народ: многие из самых ожесточенных приверженцев старины должны были увидеть в этой битве оправдание реформы. Правосудие и справедливость царя, свободный доступ к нему всех и каждого, эта готовность прощать личных врагов и злодеев, видя их раскаяние, эта готовность даже возвышать их, если, при раскаянии, видел в них и способности, это божественное самоотречение от своей личности в пользу вечной правды, это высокое самоуничтожение в идее своего народа и своего

отечества, – все это покорило Петру сердца и души подданных еще задолго до его кончины. Но когда он умер, не оставив после себя никого подобного себе, – Русь оцепенела, словно удар грома оглушил ее. Лучшая часть народа, принеся великие и невольные жертвы преобразованию, уже трепетала за участь преобразования и боялась возвращения прежнего варварства. Русь как будто предугадывала эту темную годину, когда ей надо будет влачиться по колее, проложенной Петром, не двигаясь вперед; она как будто чувствовала, что надолго закатилось ее лучезарное солнце, вновь взошедшее на ее небосклон с Екатериною Великою, чтобы уж более не оставлять его. Но каким ударом была смерть Петра для его любимцев, для людей, созданных и образованных его зиждительным духом, его творческим гением! Вот что писал Неплюев о впечатлении, каким поразило его известие о смерти Петра: «1725 года, в феврале месяце, получил я плачевное известие, что отец отечества, Петр Великий, император первый, отыде от сего света. Я смочил ту бумагу горестными слезами как по должности о

моем государе и подданных своих истинном отце, так и по многим его ко мне милостям; и – ей-ей! не лгу: был более суток в беспамятстве, – да инако бы мне и грешно было. Сей монарх отечество наше привел в сравнение с лучшими державами, научил узнавать нас свои дарования и способности, и одним словом: на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и что б впредь ни делалось, от сего источника черпать будут; а мне собственно был государь и отец милосердый. Да вчинит господь душу сего много трудившегося о пользе отечества монарха с праведниками» [7].

Один старый солдат, по прозванию Кирилов, имел у себя маленький финифтяной портрет Петра, который он ставил с образами, зажигал перед ним свечу и молился ему. Об этом донесли нижегородскому архиерею, при доме которого находился Кирилов. Архиерей осмотрел коморку солдата и, указав на портрет Петра Великого, сказал ему: «Старик, это между святыми иконами стоит у тебя портрет Петра Перваго?» – Да, преосвященный владыко, образ батюшки нашего. – «Но он, хотя был

великий и благочестивый государь и достоин
всего нашего почтения, однако ж церковь
святая не сопричислила его к лику святых, а
поэтому и не должно тебе персону его ставить
между образами святых, зажигать перед
оним свечу, а меньше еще молиться ему». –
Не должно? (перебил речь его с великим него-
дованием солдат) не должно? Вы его не зна-
ли, а я знал: он был наш ангел-хранитель; за-
щищал и охранял нас и все отечество от
неприятелей, нес наравне с нами все тяжести
в походах, едал с нами одну кашу, обращался
с нами как равный и как отец; сам бог просла-
вил его победами, не допустя коснуться до
него смерти и раны; а ты говоришь, не долж-
но образу его молиться! – заключил солдат,
проливая слезы. Как ни убеждал его архи-
ерей, но солдат согласился только не ставить
свечи перед портретом Петра, но оставил его
с образами[8].

После этого как понятна эта песня, кото-
рую предание заставляет петь солдата на ча-
сах при гробе Петра Великого:

*Ах, ты, батюшко, светел месяц,
Что ты светишь не по-старому,*

*Не по-старому и не по-прежнему,
Всё ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною...*

.....

*Расступися ты, мать сыра-земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
И ты встань, проснись, православ-
ный царь!{69}*

Теперь должно нам перейти к личному характеру Петра, как государя, преобразователя и человека. Для этого нам нужно пробежать всю жизнь его и схватить в ней самые резкие черты. Со страхом и благоговением приступим мы к этому труду в следующей статье и постараемся дать почувствовать нашим читателям возвышенную сладость созерцания такой колоссальной личности, каковою была личность Петра. Созерцание всякого великого человека пробуждает нас от дремоты положительной жизни, от апатического равнодушия в прозе забот и нужд житейских, настроивает сердца к высоким чувствам и благородным помыслам, укрепляет волю на благие

действия и на гордое презрение к пустоте и ничтожеству мертвого существования и возвышает наш дух к началу всяческой жизни, к источнику вечной правды и вечного блага... А кто же более нашего Петра имеет право на титул великого и божественного и кто же из героев нашей истории может быть ближе к нашему сердцу и духу?..

Примечания

Список сокращений

В тексте примечаний приняты следующие сокращения:

Анненков – П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1960.

Белинский, АН СССР – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

ГБЛ – Государственная библиотека им. В. И. Ленина.

Герцен – А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах. М., Изд-во АН СССР, 1954–1966.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ГПБ – Государственная Публичная библиотека СССР им. М. Е. СалтыковаЩедрина.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

КСсБ – В. Г. Белинский. Сочинения, ч. I–XII. М., Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859–1862 (составление и редактирование издания осуществлено Н. Х. Кетчером).

КСсБ, Список I, II... – Приложенный к каж-

дой из первых десяти частей список рецензий Белинского, не вошедших в данное издание «по незначительности своей».

ЛН – «Литературное наследство». М., Изд-во АН СССР.

Панаев – И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., Гослитиздат, 1950.

ПР – позднейшая редакция III и IV статей о народной поэзии.

ПссБ – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова (т. I–XI) и В. С. Спиридонова (т. XII–XIII), 1900–1948.

Пушкин – А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1962–1965.

ЦГИА – Центральный Государственный исторический архив.

<Россия до Петра Великого>

Впервые – «Отечественные записки», 1841, т. XV, № 4, отд. V «Критика», с. 37–60 (ц. р. 28 марта; вып. в свет 29 марта); т. XVI, № 6, отд. V «Критика», с. 1–18 (ц. р. 30 мая; вып. в свет 31 мая). Без подписи. Вошло в КСсБ, ч. IV, с. 331–399.

Автограф первой статьи, вероятно, утерян.

Наборная рукопись второй статьи, являющейся автографом Белинского, с редакторской правкой А. А. Краевского, хранится в ГПБ (ф. 124, № 376).

22 января 1841 г., дописывая письмо к В. П. Боткину, начатое еще 30 декабря, Белинский сообщал, что в ближайшее время приступит к работе о Петре Великом, которая особенно волнует его: она «лежит у меня на сердце, давит его и просится вон».

Первая статья привлекла внимание цензуры. 25 марта 1841 г. Краевский писал цензору А. В. Никитенко: «Типография известила меня, что Вы не высылаете 1, 2, 3 и 4 форм «Критики», потому что ждете конца статьи, которого Вам еще не доставлено. Во всем этом виновата глупая типография; в ней, изволите видеть, не хватило петиту, чтоб докончить статью, которая между тем уже доканчивается набором. Что же касается направления всей статьи, оно ясно:

*Россия тьмой была покрыта мно-
го лет;
Бог рек: «Да будет Петр!» и бысть
в России свет, —*

как говорит известное двустишие, которое и будет выводом всей статьи. В России до Петра были тьма кромешная, люди – почти четвероногие; после Петра сделалось светло и люди становятся людьми, – вот и все. В не доставленных еще Вам формах идут только выписки из Кошихина и Желябужского и ими заканчивается статья первая (что дураки наборщики забыли выставить в заглавии статьи); здесь представляется Россия в том виде, в каком она была до Петра – по Кошихину и Желябужскому; во второй статье, которая будет в следующей (5-й) книжке, расскажется, что сделал для России Петр – по Голикову, и потом общий вывод, сходный с началом первой статьи, что Петр для России был богом, в чем я убежден всем существом своим и что говорю смело.

Если Вы находите что-нибудь не так, что-нибудь чересчур жарко сказанное, могущее навлечь на меня какое-нибудь подозрение в каком-нибудь недобром намерении (чего, я знаю, Вы уверены в этом, мне и в голову не могло прийти), я прошу Вас вычеркивать; только, ради бога, не держите этих корректур

у себя долее» (ИРЛИ, 18566, л. 94–95).

9 апреля 1841 г. Белинский с горечью сообщил Боткину: «Из моей несчастной статьи вырезан весь смысл, ибо выкинуто ровно половина». В конце статьи, обращаясь к читателям, он просит принять ее «только за предисловие ко второй статье, которая будет уже в следующей книжке». В процессе работы над второй статьей Белинский думает о следующей. 9–10 апреля он заявляет в письме к Краевскому: «Что до 3-ей статьи о Петре Великом, то хоть мне по состоянию моего духа и совсем не до нее, но, разумеется, что я ее буду писать, и потому месяц май, во всяком случае, будет у нас на прежних основаниях».

Однако замыслам автора не суждено было осуществиться. Вопреки его обещанию, вторая статья не появилась в пятом номере журнала, так как была задержана цензурой. Вместо нее, в приведенном, как обычно, на обложке пятой книжки содержания номера, сказано: «По обстоятельствам редакция должна была отложить вторую статью о «Деяниях Петра Великого» и проч. до следующей книжки».

Под формулой «по обстоятельствам» подразумевался общепринятый для читателей того времени намек на вмешательство цензуры. Действительно, сократив вторую статью едва ли не на половину, Никитенко тем не менее не решался подписать ее к печати. Во избежание какой-либо ответственности решение этого вопроса он предоставил на усмотрение цензурного комитета. В «Журнале заседаний С.-Петербургского цензурного комитета» от 20 мая 1841 г. имеется следующая запись:

«В статье этой заключается взгляд на состояние России до Петра Великого и на самые деяния последнего. Автор находит, что русский народ и до Петра Великого заключал в своем национальном духе много прекрасного, но что лучшие его качества были подавлены и остановлены в своем развитии невежеством и разными неблагоприятными обстоятельствами, как-то: нашествие татар и проч., что от этого к нам вкралось много прививных азиатских пороков, как-то: затворничество женщин, лихоимство, лень ума, презрение к себе и проч. Петр Великий является истреби-

телем всего этого, очеловечивая народ и вводя его европейской жизни. При этом автор предлагает некоторые сомнения относительно непогрешимости дел Петра Великого, например, что наша национальность много пострадала от его преобразований, что они касались только одних форм, как-то: бритья бороды и одних высших классов, что напрасно он перенес столицу в Петербург. Все эти сомнения автор опровергает совершенно удовлетворительно, выставляя гений Петра Великого и его дела в самом блестящем свете» (ЦГИА, ф. 777, оп. 27, 1841 г., № 34, л. 50–51; ф. 777, оп. 1, 1841 г., № 1595, л. 2). Исходя из этого, цензурный комитет разрешил «статью эту одобрить к напечатанию» без каких-либо замечаний, что само по себе характеризует предварительно проведенную Никитенко «работу» над статьей.

28 июня 1841 г., продолжая письмо к Боткину, начатое 27 июня, Белинский писал: «В «Отечественных записках» напечатана моя вторая статья о Петре Великом; в рукописи это, точно, о Петре Великом, и, не хвалясь, скажу, статейка умная, живая; но в печати –

это речь о проницаемости природы и склонности человека к чувствам забвенной меланхолии. Ее исказил весь цензурный синедрион соборне. Ее напечатана только треть, и смысл весь выключен, как опасная и вредная для России вещь. Вот до чего мы дожили: нам нельзя хвалить Петра Великого». Все это вынудило Белинского снабдить окончание второй статьи примечанием: «Предположенного продолжения статей о «Деяниях Петра Великого», по независящим от редакции причинам, не будет».

Видимо, идя навстречу пожеланиям друзей ознакомиться с полным текстом первой статьи, Белинский отправил рукопись ее в Москву. Об этом известно из его письма к Боткину от 17 марта 1842 г.: «...ты не взял у нелепого К<етче>ра мою статью о Петре Великом и не переслал ее мне с Кульчиком». Была ли в дальнейшем отправлена рукопись автору или осталась в Москве – неизвестно. До нас она не дошла. Поэтому во всех изданиях сочинений Белинского, как и в настоящем, текст первой статьи воспроизводится по ее журнальной публикации. Что же касается авто-

графа второй статьи, то, как это видно из записи на его последнем листе, он был подарен Белинским А. И. Баландину: «Рукопись В. Г. Белинского (за исключением части 24 и 25 листов). Я получил ее от него в исходе 1841 или 1842 года. Она была оригиналом статьи, написанной по поводу нового издания «Деяний Петра Великого», соч. Голикова и др. и напечатана с большими пропусками в «Отечественных записках» (т. XV, с. 1–18). Привязки современной цензуры заставили Белинского отказаться от продолжения его замечательно-го труда. 22 ноября 1884. Александр Баландин. P. S. Места, обведенные или подчеркнутые красным карандашом – не пропущены».

Текст второй статьи печатается по автографу с устранением правки Краевского, за исключением исправленных им нескольких описок и незначительных пропусков.

Заглавие статьи дано в скобках по колонтитулу «Отечественных записок».

В данной работе наиболее подробно изложены взгляды Белинского на исторические судьбы России – в контексте общечеловеческого развития. Принимая гегелевскую кон-

цепцию, критик исходит из того, что сущность истории заключается в последовательном раскрытии некоей (априорно данной) всемирной идеи. Выразителями этой идеи на разных исторических этапах выступают каждый раз новые этнические регионы. На первом этапе такую роль выполняли народы Востока (Китай, Индия, Персия, Египет), на втором – Греция, на третьем – Римская держава, на четвертом – романо-германский ареал. Однако конечный вывод Гегеля о том, что только в романо-германском духовном владычестве всемирная идея реализуется с максимальной полнотой, Белинский категорически отвергал.

Данное в статье противопоставление европейского начала (индивидуалистического, имманентно активного, волевого, не обремененного традициями и обычаями) азиатскому (родовому, безличному, пассивному, фаталистическому) опирается на гегелевское истолкование проблемы Запад – Восток; согласно Гегелю, восточные народы, как бы «открывшие» всемирную историю, еще в глубокой древности остановились в своей эволю-

ции, а ход истории с тех пор связан исключительно с развитием европейской цивилизации. Таким образом, проблема Запад – Восток сводится к антитезе «движение – застой» (см.: Г.-В.-Ф. Гегель. Соч., т. VIII. М., Соцэкгиз, 1935, с. 97 и след.). Именно так осмыслял данную проблему Белинский (о других ее интерпретациях современниками критика см.: К. А. Кумпан. Проблема «Запад – Восток» в русской литературе 1840-х гг. в плане историко-литературных традиций. – В сб.: «Материалы XXVII научной конференции ТГУ». Тарту, 1972).

В русской истории, по мнению критика, в силу ее уникальных особенностей создались предпосылки для смены «азиатства» «европеизмом». И главной заслугой Петра I, как считал Белинский, явилось то, что его преобразования не просто преследовали определенные политические цели, но прежде всего впервые ориентировали страну на раскрытие ее собственной «субстанции», ее «духа», ее «идеи».

Прочитав эту работу и посетив Белинского, И. С. Аксаков писал К. С. Аксакову 21 апреля 1841 г.: «Он утверждает теперь, что Петербург – великий город... что он очеловечился

только в Петербурге, что Москву и Кремль надо жечь, как следы нашей глупой старины, что только с Петра начинается наша история, и она в Петерб^{урге}>...» (Н. Розенблюм. Белинский в неизданной переписке современников. – «Русская литература», 1962, № 1, с. 201–202).

Сноски

1

великие калмыки (монголы) (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

2

существующее положение (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

3

Платон мне друг, но еще больший мне друг – истина{70} (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

4

А малороссиянин так еще далее простирает свое уважение к преданиям старины: он ни за что не хочет поганить навозом землю, на которой родится *Дар божий*, то есть хлеб. Вот Азия-то!

[^^^]

5

Голиков, т. III, стр. 20 старого издания.

[^^^]

6

Ф. Л. Морошкина, профессора в Московском университете, из речи его «Об уложении и последующем его развитии», произнесенной на университетском акте 1839 г. июня 10 дня.

[^^^]

7

Анекдоты о Петре Великом, Голикова, стр. 508.

[^^^]

Анекдоты о Петре Великом, Голикова, стр.
532–535.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Здесь и далее критик цитирует «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина (ч. III) по его кн.: Соч., изд. 4-е, т. IV. СПб., 1834.

[^ ^^]

2

Из современников критика подобные упреки (еще не проникавшие на страницы печати) последовательно высказывали ранние славянофилы (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков и др.). «Забвение» корней русского быта с позиции «официальной народности» осуждали М. П. Погодин и С. П. Шевырев, с января 1841 г. получившие собственную трибуну: под редакцией первого из них начал выходить журнал «Москвитянин» (см. также примеч. 14).

[^ ^^]

3

См. преамбулу.

[^^^]

4

Крылатое латинское выражение, восходящее к стиху из комедии Публия Теренция «Самостязатель».

[^^^]

5

Перефразированная реплика Репетилова из «Горя от ума» (д. IV, явл. 4):

О Бейроне, ну о матерях важных...

[^^^]

Это суждение излишне категорично. Петровская тема – даже без учета труда И. И. Голикова (см. примеч. 7) – занимала достойное место в русской историографии XVIII – первой трети XIX в. (см.: Е. Ф. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомков. СПб., 1912; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. ч. III. Л., Изд-во ЛГУ, 1971, с. 122–138). Можно отметить, например, «Замечания» М. В. Ломоносова на «Историю Российской империи в царствование Петра Великого» Вольтера (1757; впервые издано в 1829 г.).

[^^^]

7

Датируется серединой ноября 1828 года.

[^^^]

8

Имеется в виду памятник Петру I работы Э. Фальконе («Медный всадник»).

[^^^]

9

«История государства Российского» (т. I–XII; 1818–1829) Н. М. Карамзина прервалась на описании событий рубежа XVI–XVII вв.

[^^^]

Перефразированные слова из начальных строк первого достоверного летописного свода: «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть» («Повесть временных лет». М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950, с. 9).

[^^^]

Термин «баснословный период» введен в русскую науку М. Т. Каченовским, родоначальником так называемой скептической школы. По мнению этого ученого, в киевский период русской истории общественный и политический строй был столь примитивен, что нет основания доверять каким-либо отечественным источникам и свидетельствам X–XIII вв. (подробнее о его взглядах см.: Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., Госполитиздат, 1941, с. 233–241). Белинский разделял

скептический взгляд Каченовского на эту эпоху русской истории (см. его рецензию на «Историю России в рассказах для детей» А. О. Ишимовой – наст. т., с. 473).

[^^^]

12

Одним из самых спорных вопросов в русской исторической науке XVIII–XIX вв. являлся так называемый норманнский вопрос. «Норманисты» (Г. З. Байер, Г.-Ф. Миллер, А. Л. Шлецер, Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и др.) интерпретировали летописные сведения в том смысле, что русская государственность была привнесена извне варяжскими (норманнскими) князьями. Эта точка зрения получила права официальной. «Антинорманисты» (М. В. Ломоносов, И.-Ф.-Г. Эверс, М. Т. Каченовский, Н. И. Костомаров, К. Н. Бестужев-Рюмин и др.), наоборот, считали, что русская государственность возникла исключительно вследствие внутренних процессов. Ограниченность обоих альтернативных решений лишь в последней

четверти XIX в. была преодолена В. О. Ключевским. Белинский же вообще снимает норманнский вопрос с обсуждения, так как весь домосковский период русской истории – какого бы происхождения ни была княжеская власть – ошибочно представлялся ему мало-важным (см. примеч. 11). Борьбу с норманнской теорией критик развернул в дальнейшем, в ходе полемики с М. П. Погодиным и славянофилами (см., например, его рецензию на «Славянский сборник» Н. В. Савельева-Ростиславича – наст. изд., т. 7).

[^^^]

См. преамбулу.

[^^^]

В статье «Взгляд русского на современное образование Европы» С. Н. Шевырев заявил, что Запад, страдающий неизлечимыми пороками, «стремится» в «огненную бездну» («Москвитянин», 1841, № 1, с. 288). Апокалипсическое видение грядущего краха европейской цивилизации являлось будущим славянофилам еще в середине 30-х гг.; см., например, в стихотворении А. С. Хомякова «Мечта» (1835):

*Но горе! век прошел, и мертвенным покровом
Задернут Запад весь. Там будет мрак глубок...*

Однако между теоретиками «Москвитянина» и идеологами формировавшегося в конце 30-х гг. XIX в. славянофильства существовали принципиальные различия, которые подчас

игнорируются из-за известной терминологической близости (хотя на эти различия обратил внимание еще А. И. Герцен – см.: Герцен, т. IX, с. 137). Характерно, что указанная статья Шевырева вызвала недовольство К. С. Аксакова (см.: ЛН, т. 56, с. 151).

[^^^]

15

Из стихотворения С. С. Боброва «Столетняя песнь, иль Торжество осьмогоднадесять века России» (1801); перефразированные строки этого произведения:

*Но твердь иное предвещала;
Тогда Россия в мрачный век
В своей полнощи исчезала.
«Да будет Петр!» – Бог свыше рек;
И бысть в России Солнца свет, —*

взяты в эпиграф ко второй части статьи. См.: «Поэты 1790–1810-х годов». Л., «Советский писатель», 1971, с. 94.

[^^^]

16

Сравнение Ивана Грозного с Людовиком XI принадлежит Н. М. Карамзину (см. его «Историю государства Российского», т. IX. СПб., 1821, с. 438–439).

[^^^]

17

Критик в полемических целях контаминирует тезисы двух статей, опубликованных в «Москвитянине», № 1 за 1841 г. В статье М. П. Погодина «Петр Великий» говорилось о необходимости петровских преобразований в его эпоху, а в статье С. П. Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы» содержалось утверждение о глубоком кризисе европейской цивилизации.

[^^^]

18

Фраза, заключенная в кавычки, не является цитатой из Корана; но, по мнению критика, в ней выражена суть фаталистического мировоззрения восточных народов.

[^^^]

19

Критик цитирует – в несколько измененном виде – формулу из Корана: см. сура 9, ст. 130 (129); сура 27, ст. 26 (26); намаз – мусульманская молитва, совершаемая пять раз в сутки.

[^^^]

20

Фалака – деревянный столб с отверстиями, сквозь которые продевалась веревка, крепящая ноги человека к этому столбу; в таком положении преступник получал удары палками.

[^^^]

21

Цитата из «Деяний Святых Апостолов», гл. 17, ст. 23: «...Я нашел и жертвенник, на котором написано “неведомому богу”.»

[^^^]

22

По легенде, Горации и Куриации – знатные роды, соперничавшие друг с другом в древнейший, так называемый царский период истории Рима (VI в. до н. э.). Юстиниан I – византийский император, при котором был создан наиболее полный свод правовых норм – «Кодекс Юстиниана».

[^^^]

23

Речь идет о профессоре Александровского университета в Гельсингфорсе С. В. Соловьеве.

[^^^]

24

О судьбе и странствиях Г. К. Котошихина см.:
А. И. Маркевич. Г. К. Котошихин и его сочинение о московском государстве в половине XVII века. Одесса, 1895.

[^^^]

25

См.: И. А. Желябужский. Записки с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840.

[^^^]

Об эпитафие см. примеч. 15. В автографе вторым эпитафием к статье были «Стансы» Пушкина («Начало славных дел Петра <...> На троне вечный был работник»), зачеркнутые Белинским.

Апологетическое отношение к деятельности Петра I у Белинского сложилось в конце 30-х гг. Собираясь в столицу (осенью 1839 г.), он уже «глубоко благоговел перед реформой Петра I и оправдывал ее во всех ее крайностях. Петербург поэтому еще особенно привлекал его...» (Панаев, с. 192). Стремление же осмыслить петровские преобразования в исторической перспективе непосредственно связано со спором о Москве и Петербурге как выразителях противоположных тенденций в русском общественном развитии, который состоялся около 20 января 1841 г. во время приезда в столицу Герцена и членов его московского кружка (см.: Ю. Океман. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., Гослитиздат, 1958, с. 279).

[^^^]

27

В статье «Русская литература в 1840 году» критик, в частности, писал: «...должно радоваться даже самым ложным, но только независимым мыслям о великом поэте: они показывают потребность разумного сознания, которое всегда начинается отрицанием непосредственного знания, то есть знания по привычке или по преданию» (наст. изд., т. 3, с. 183).

[^^^]

28

Усеченная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Родина» (1840):

.....

*Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия по-
кой...*

[^^^]

29

Имеется в виду неоконченная эпическая поэма М. В. Ломоносова «Петр Великий» (1756–1761).

[^^^]

Имеются в виду «Петриада» (1812) А. Н. Грузинцева и «Петр Великий» (1810) С. А. Ширинского-Шихматова.

[^^^]

Критик имеет в виду некоторые суждения ранних славянофилов, еще не обнародованные в печати, но известные ему по личным беседам и пересказам знакомых. Так, осенью 1839 г., накануне отъезда критика в столицу, К. С. Аксаков, его друг и сподвижник по кружку Н. В. Станкевича и «Московскому наблюдателю», решительно оспаривал высокое мнение Белинского о Петре I и Петербурге. «Хотя еще он, – писал о К. С. Аксакове И. И. Панаев, – не питал той непримиримой ненависти к Петру I, которая развилась в нем впоследствии, – но он и в это время уже не чувствовал к нему расположения...» (Панаев, с. 193). Можно предположить, что критик полемизи-

рует именно с взглядами К. С. Аксакова, так как выход «Отечественных записок», № 6, с этой статьей (ц. р. 30 мая) почти совпал с разрывом их отношений, происшедшим в июне 1841 г. (см.: «Литературная мысль», вып. II. Пг., «Мысль», 1923, с. 180; Ю. Оксман. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского, с. 300).

[^^^]

32

Имеется в виду прежде всего статья М. П. Погодина «Петр Великий» (см. примеч. 17), в которой автор излагает обвинения Петру I со стороны «новых судей», замечая, что «наука не может и не должна оставлять их без внимания» («Москвитянин», 1841, № 1, с. 11).

[^^^]

Сопоставление «всякого образованного человека» и неграмотного мужика, иллюстрирующее тезис критика о «национальном» и «народном», часто проводили и ранние славянофилы, – но, в отличие от Белинского, не в пользу первого. Исходя из того, что сельская община является единственным хранителем самобытных религиозных, нравственных и культурных начал русского народа, славянофилы были убеждены в безусловном превосходстве любого крестьянина, носителя коллективной идеологии «мира», над личностью, потерявшей общинный дух (см.: К. С. Аксаков. Полн. собр. соч., т. 1, изд. 2-е. М., 1889, с. 26, 595–596 и др.).

[^^^]

34

Представление о «субстанции» каждого народа (то есть некоей первосущности, управляющей и предусматривающей все его дальнейшее развитие) отражает тот же телеологический подход к истории, как и представлений об «абсолютной идее», выполняющей аналогичную функцию по отношению ко всему человечеству (см. преамбулу).

[^^^]

35

Ср. относящееся к 1842 г. суждение Герцена: «...Петр увидел, что для России одно спасение – перестать быть русской...» (Герцен, т. II, с. 35; статья «Москва и Петербург»).

[^^^]

36

Имеется в виду стихотворение «Зимняя дорога» (1826).

[^^^]

37

Критик цитирует «Домик в Коломне» (1830)

[^^^]

38

Цитата из былины «Соловей Будимирович».

[^^^]

Перефразированные слова Н. В. Гоголя из статьи «Несколько слов о Пушкине» (1832): «Он (Пушкин. – *Ред.*) при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа» (Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. VIII. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 51).

[^^^]

Вторым подвигом Геракла, согласно мифу, явилось умерщвление Лернейской гидры.

[^^^]

Выражение «квасной патриотизм» впервые употребил П. А. Вяземский (см.: «Московский телеграф», 1827, ч. 15, отд. I, с. 232). Здесь под «квасными патриотами» критик подразумевает как авторов «Москвитянина», так и славянофилов, не проводя между ними различия (см. примеч. 14). Ценителем британского общественно-политического устройства был А. С. Хомяков, который, по воспоминанию Ап. Григорьева, «говорил часто, что Англия лучшее из существующих государств, а Россия лучшее из возможных...» (А. Григорьев. Соч., т. I. СПб., 1876, с. 486).

[^^^]

Неточная цитата из монолога Фамусова («Горе от ума», д. II, явл. 2):

*Вот то-то, все мы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы на старших глядя...*

[^^^]

В 1841 г. концепция русской литературы XVIII в. у критика еще не приобрела законченности. В статье же «Взгляд на русскую литературу 1846 года» оба направления в русской литературе XVIII в. – и тяготевшее «к действительности, к жизни, как она есть» (Сумароков), и стремившееся «к идеалу» (Ломоносов) – были признаны равноправными. О взглядах критика по этому вопросу см.: П. Н. Верков. Введение в изучение русской литературы XVIII века. Ч. I. Очерк литературной историографии XVIII века. Л., Изд-во ЛГУ, 1964, с. 55–67.

[^^^]

44

Неточная цитата из монолога Фамусова («Горе от ума», д. II, явл. 4):

*Как станешь представлять к кресту
стишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному чело-
вечку!..*

[^^^]

45

Имеются в виду: первое сражение русской армии со шведской под Нарвой (1700 г.), закончившееся поражением русских, битва со шведами под Полтавой (1709 г.), в которой армия Карла XII была разгромлена, сражение с войсками Наполеона у Бородина (1812 г.), а также многочисленные победоносные войны России с Оттоманской Портой (Турцией) в течение XVIII – начала XIX века.

Почти дословный пересказ строк из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831), в которых имеется в виду освобождение Европы от владычества Наполеона в результате войны 1812–1815 гг.:

.....
*За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами
кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..*

47

Неточная цитата из Евангелия от Матфея (гл. 12, ст. 30): «Кто не со мною, тот против меня; и кто не собирает со мною, тот расточает».

[^^^]

48

Местное управление в феодальной России (примерно до середины XVI в.) строилось по принципу «кормления», который предусматривал взимание налогов с данной местности в пользу наместника.

[^^^]

Эта точка зрения критика получила свое окончательное выражение в его зальцбруннском письме к Гоголю (1847 г.), в котором русский народ характеризовался как «глубоко атеистический». Противоположный взгляд исповедовали славянофилы, которые связывали великое предназначение России именно с непоколебимым православным сознанием народа (см., например: И. В. Киреевский. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1911, с. 115–120).

[^^^]

С принятием христианства языческие традиции на Руси не исчезли вовсе.

[^^^]

Критик имеет в виду летописное сообщение, приводимое Н. М. Карамзиным: когда накануне крещения идол Перуна скинули в воду, суеверные язычники кричали: «видибай» (выплывай) (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1818, примеч., с. 179).

[^^^]

52

На Земском соборе 1613 г. русским царем был избран шестнадцатилетний Михаил Федорович Романов; Петр I являлся его внуком.

[^^^]

53

Цитата из третьей песни «Полтавы» (1828).

[^^^]

54

Евангелие от Матфея (гл. 5, ст. 17).

[^^^]

Белинский имеет в виду славянофилов, однако в данном случае он заблуждался; славянофилы не сокрушались по поводу уничтожения боярской аристократии, так как сами ее решительно осуждали (см., например: К. С. Аксаков. Записка о внутреннем состоянии России. – В сб.: Ранние славянофилы. М., 1910, с. 70). Другое дело, что славянофилы одним из пагубных следствий петровских преобразований считали отказ от созыва Земских соборов, которые олицетворяли для них «общественное мнение» русского народа.

[^^^]

56

Слова из начальной формулы указов в допетровской России.

[^^^]

57

См.: «Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные Иваном Голиковым», изд. 3-е. М., 1807, с. 215–237.

[^^^]

Санкюлоты – наиболее радикально настроенные участники Великой французской революции (выходцы из беднейших слоев населения).

[^^^]

М. В. Скопин-Шуйский – в возрасте немногим более двадцати лет – возглавлял русское войско, сражавшееся против отрядов Лжедмитрия I и поляков. В апреле 1609 г. произошло соединение его рати с союзным шведским отрядом, которым предводительствовал – тоже юный – Я. Делагарди. Оба военачальника очень сдружились, и когда в 1610 г. Скопин-Шуйский скончался, Делагарди оплакал его как родного. Через некоторое время после этого союз России и Швеции сменился их военным конфликтом.

[^^^]

В соответствии со своим представлением о безусловной необходимости укрепления единой центральной власти в России критик видел в средневековом Новгороде одно из серьезных препятствий этому процессу. Отказываясь рассматривать общественный строй Новгорода как республиканский и характеризуя его как «дерзкую вольность холопей», Белинский полемизирует с воззрениями таких историков, как Н. А. Полевой и Н. С. Арцыбашев. (До них очень идеализированный взгляд на новгородскую республику был присущ декабристам; по выражению К. Ф. Рылеева, подчинением Новгорода Москве были «задушены последние вспышки русской свободы».) В современной исторической науке Новгород определяется как аристократическая боярская республика.

[^^^]

61

Самсон – библейский герой, знаменитый своей силой.

[^^^]

62

Победа русской армии над шведской у деревни Лесной (28 сентября 1708 г.) получила название «мать Полтавской баталии» (см. об этом: Н. Павленко. Петр Первый. М., «Молодая гвардия», 1975, с. 147).

[^^^]

Иисус Навин – вождь кочевых еврейских племен в XIII в. до н. э.; по преданию, во время одного из сражений остановил на небе солнце и луну.

[^^^]

См. в статье А. А. Бестужева-Марлинского «О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем»: «...за бороду, правда, он (русский барин. – *Ред.*) спорил долго, будто б она приросла у него к сердцу...» (А. А. Бестужев-Марлинский. Соч. в 2-х томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1958, с. 586).

[^^^]

65

Здесь: фанатики (первоначально: потомки Магомета).

[^^^]

66

Неточная цитата из первой песни «Полтавы» (1828) А. С. Пушкина. 3-я строка: «Мужала с гением Петра»; 8-я строка: «Но в искушеньях долгой кары».

[^^^]

67

Цитата из «Сказаний русского народа» И. П. Сахарова (изд. 3-е, т. I. СПб, 1841). Здесь и далее цитируется с мелкими неточностями.

[^^^]

68

Неточная цитата из приведенной речи Ф. Л. Морошкина (см. с. 59).

[^^^]

69

Цитата из «Сказаний русского народа» И. П. Сахарова, с. 232.

[^^^]

70

Крылатое выражение, восходящее к словам, приписываемым Аристотелю.

[^^^]

[^^^]